

№ 63
К-45569

Ева Лисина
**ЛОПОУХИЙ
ИЛЮК**

к-045569

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М т З 3835 Т 5000 1989г

ЛК; К 84.89 (=496)

Л63

Ева Лисина

ЛОПОУХИЙ И ЛЮК

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

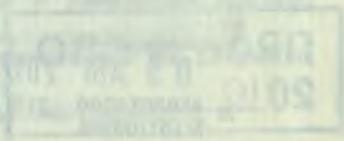

кр

ПЕРЕВЁЛ С ЧУВАШСКОГО
ИЛЬГИЗ КАРИМОВ

ХУДОЖНИК
Л. ВЛАДИМИРСКИЙ

МОСКВА
Детская литература
1986

ПРОС
20 10 0-9 АВГ 201
Л 4803010200-312 458-86
М101(03)86

© Перевод на русский язык: Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

к-45569

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В этой книге, ребята, вы прочитаете историю лопухого Илюка. Но сначала вам надо узнать кое-что о самом авторе. Вот только с чего начать? Самое трудное, когда пишешь,— это начало. И я спросил у своей дочери Айгуль (она уже учится в школе и первой прочитала об Илюке, когда повесть-сказка Евы Лисиной была переведена с чувашского на русский язык):

— Айгуль, как бы ты начала рассказ про Еву Николаевну?

— Я,— сказала Айгуль,— начала бы так: «Тетя Ева появилась в нашем доме как таинственная незнакомка...»

Нужно сказать, что, когда Ева Николаевна в первый раз пришла к нам домой, Айгуль и её подруга Марина учились в третьем классе и очень хотели «волшебным превратиться» в кого-нибудь. Марина, например, мечтала превратиться в птичку и лететь с улицы прямо к себе в форточку, потому что с лифтом была мука-мученическая: Марина не доставала до кнопки седьмого этажа и нужно было ждать кого-нибудь из взрослых. Подружки колдовали и каждый день бегали в волшебную страну Ай-Мар. Её они открыли в парке на той стороне улицы. А почему страна так называется, вы, наверное, догадались.

С появлением Евы Николаевны шансы на удачу в «волшебном превращении» у девочек значительно выросли. Оказалось, что она и сама уже лет тридцать мечтает в кого-нибудь превратиться и у неё даже есть знакомые волшебницы.

Иной раз эти волшебницы звонили нашим девочкам и давали консультации. Но, как и положено настоящим волшебницам, они были окружены тайной — своих телефонов не оставляли и даже голоса свои меняли, так здорово подражали голосу Евы Лисиной, прямо не отличишь.

Но... девочкам до сих пор не везёт. Или погода неподходящая, или родители дома и мешают приготовить волшебный порошок по всем правилам. Так что с превращением ничего пока не получается. Одно хорошо: Марина за это время подросла и уже сама достаёт до кнопки.

И хотя с чудесами ничего не получается, девочки всё же уверены, что в Еве Николаевне есть что-то таинственное.

И я тоже так думаю. В человеке, который пишет хорошие книги для детей, всегда есть что-то особенное. Если и не таинственное, то необыкновенное.

А какое детство было у Евы Лисиной, вы можете узнать, если прочитаете её первую книгу «Дети Синьяла». Она вышла в 1977 году тоже в издательстве «Детская литература». Маленькая Маринё, героиня этой книги, и есть сама Ева Лисина. Синьял этот лежит «под великим небом, на великой земле, в стране чувашей». Вы узнаете, что хотя время — вскоре после войны — было тяжёлое, голодное, но сколько в той деревне было всего чудесного. И Марине из чудес своего детства не забыла ничего. Детьми, надо сказать, были все, но не все это помнят. Книга кончается тем, как утром первого сентября Марине идёт в первый класс.

А потом случилось так. Она окончила школу, поехала в Москву, поступила в Тимирязевскую академию, стала агрономом. Потом у неё родилась дочка Фенечка — Феодосия, по-чувашски Хеведусь. И однажды эта маленькая Хеведусь не хотела спать, а хотела, чтобы к ней в гости из далёкой Индии пришёл слонёнок Илюк. Может, иная мама просто сказала бы: «Хватит капризничать!» — и выключила свет. А вот Марине — теперь уже Ева Николаевна — подвинула стул к кровати, села и начала:

— Кришна, удивляешь ты меня! Только и знаешь поесть да поспать. Всё время жуёшь...

С тех пор прошло несколько лет. Хеведусь уже стала большой. А Ева Николаевна — она знает немецкий и турецкий языки — работает в Библиотеке иностранной литературы и пишет книги для детей.

И теперь наши подружки Айгуль и Марина мечтают, что когда вырастут, то днём будут работать в библиотеке, а вечерами писать книги для детей и колдовать — всё как тётя Ева.

Ильгиз Каримов

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в ней мы знакомимся со слонёнком,
который меняет своё имя

Кришна, удивляешь ты меня! Только и знаешь поест да поспать. Всё время жуёшь. Не жуёшь — так спишь-спишь, — сказала Ласточка. Она уже давно сидела на дереве и весьма неодобрительно посматривала вниз.

А внизу под пальмой — одна пальма была как целая роща — стоял слонёнок. Он тоже был недоволен. Не потому, что его ругали, а потому, что помешали жевать. Слонёнок поднял голову о-очень медленно. И слова он выговаривал лениво, еле-еле:

— А что... мне... ещё делать?

— Что-о? Что ты сказал?! — возмутилась Ласточка. — Что тебе делать? А знаешь ли ты, что на земле чувашей на берегу реки Волги стоит город Чебоксары? Там в белом доме живёт маленькая Хеведусь! Каждый-каждый день ждёт она слонёнка. «Ах, почему у меня нет слонёнка... — вздыхает она. — Я бы назвала его Илюком! Когда же Илюк придёт ко мне?» Иной раз и поплачет. А ты всё ещё здесь. Только еда на уме! Неужели у тебя челюсти не болят?

— Нет, мои челюсти не болят. Они всё время жуют и теперь стали крепкими и сильными.

— Ну и ну! — Ласточка гневно простригла воздух перед глазами слонёнка и снова села на ветку.

Кришна удивился: отчего эта Ласточка так сердится?

— Моя мама говорит: «Дети поплачут-поплачут и перестанут». Та девочка тоже давно успокоилась...

— Что ты всё: мама, мама! У тебя своей головы нет-нет?

Кришна поднял хобот и ощупал им свою голову:

— Есть... есть голова.

— Ну вот, теперь подумай своей головой! Ты сам всегда быстро успокаиваешься?

— Иногда успокоишься сразу, а иногда — ну никак!

А если кто-то силком начнёт успокаивать, становится совсем плохо!

— Вот-вот-вот! И Хеведусь! И Хеведусь такая же! Моё гнездо было как раз над их окошком. Девочка из-за этого Илюка плакала каждый день. Так, что рёву стояло на два дома — на её и на мой. «В Чувашии слоны не живут, не живут! — говорила ей мать. — И прийти сюда не могут! Не могут!» А она: «Мой Илюк придёт обязательно! Он сильный, он ничего не боится. Не боится!» Отец Хеведусь, знаменитый охотник, однажды сказал: «Я поймаю медведя! Подумай только: у тебя будет настоящий медведь! Ты будешь играть с ним, кататься на нём!» Тут любовью ребёнок от радости подпрыгнул бы до потолка. А Хеведусь — нет: «Зачем мне медведь? У меня Илюк есть! Сильный, храбрый Илюк!» Ох как рассердился её отец!

— А зачем было сердиться? Хеведусь права, — глубокомысленно заметил Кришна, — нас, слонов, нельзя сравнивать с медведями. Сравнить нас — огромная ошибка! — Кришна описал хоботом круг. — Вот насколько велика эта ошибка. Слоны сильнее медведей в сто и даже не в сто, а в двадцатьшесть раз!

— Скоро я отправлюсь в страну чувашей, — сказала Ласточка. — Прилечу — а там все радуются весне. И Хеведусь будет играть и веселиться. Но вдруг забудет про игру, приставит ладошку ко лбу и долго будет смотреть вдаль: где же Илюк, почему его всё нет? Знаешь, как грустно, когда ждут кого-то, ждут, а тот в далёкой Индии всё никак не прожует банан.

— А сколько ей лет?

— Три. И уже давно четвёртый.

— Ровно столько же, сколько и мне...

Кришна отвёл хоботом гроздь банана, уже готовую упасть ему в рот, и поплёлся к старому бамбуку. Там он, чтобы эти кричащие, жужжащие, звенящие джунгли не мешали ему думать, опустил огромные уши и закрыл глаза.

К нему подошли два слона.

— Кришна, сынок, а что я тебе принесла! Вкусненькое! — сказала слониха.

Кришна от досады лишь хвостом махнул.

— Отец, смотри-ка! Что с нашим ребёнком? Раньше он при одном слове «вкусненькое» взвизгивал на все джунгли, а теперь стоит понурившись и вид его жалок.

Кришна мотнул головой:

— Не хочется есть. Совсем не хочется.

— Ай-йя! — затрубили два слона.

— Кришна, сынок...

— Не Кришна, а Илюк! Илюк — вот как меня надо теперь называть.

— Ой-ой-ой! Что за страшная болезнь! Он бредит! — горевала слониха.

— Я не болен! Совсем не болен! — Слонёнок повернулся к отцу: — Отец, мне нужно обсудить с тобой одно очень важное дело!

И два слона, старший и младший, раздвигая обвитые лианами ветви, зашагали к покрытому цветущими лотосами озеру.

— Не отпущу! Не отпущу! — встревожив джунгли, трубила слониха. — Как же он, такой маленький, отправится в путь?

— Успокойся, мать, успокойся... — говорил ей слонотец. — Я хочу поговорить с тобой об одном прекраснейшем имени!

— О каком ещё имени? Бездушный ты! Без сердца! Наш сын сошёл с ума! Он собрался в какую-то далёкую страну! Ты должен изо всех сил держать его, никуда не пускать, а ты рассуждаешь о каких-то именах! — Она хоботом схватила Кришну за хвост и подтащила к себе. — Не пущу-у!

— Именно потому, что наш Кришна собирается в Чувашию, я и хочу потолковать с тобой об одном прекраснейшем, благороднейшем имени. Скажи-ка, мать, достойнейшая из достойных и голосом своим напоминающая, когда нежна, разговор лотосов с тёплым ветром, а когда в гневе — грохот каменных обвалов, скажи мне: ты не забыла своего имени?

— Ещё один сошёл с ума! Разве можно забыть своё

имя? Моё имя — Савитри! — И впрямь в голосе её послышался грохот лавины.

— Са-вит-ри...—довольным голосом повторил слон-отец.— Да, родители твои знали, как тебя назвать! Они были уверены, что ты будешь с честью носить это имя! Скажи-ка, мать, ты не забыла про Савитри из древнего сказания?¹

— Разве можно забыть Савитри, достойнейшую мою тёзку?

— Я хотел бы послушать, что говорила достойная Савитри о дружбе.

— Слушай!.. Достойная Савитри сказала так:

И в трудной дороге мы твёрдыми будем!

Немало законов завещано людям,

Но дружбы завет — чтим превыше всего!

— Благодарствую! Именно эти строки я и хотел услышать! Ты пока повторяй про себя слова своей тёзки-человека, а я расскажу тебе всё по порядку. Далеко-далеко, на берегу великой Волги, в стране чувашей живёт один маленький человек. И он хочет подружиться с нашим Кришной, день и ночь ждёт его. «Нет такого слона!» — говорят старшие. «Есть такой слон!» — говорит маленький человек. Савитри, достойнейшая из достойных, голосом своим напоминающая, когда нежна, разговор лотосов с тёплым ветром, а когда в гневе — грохот каменных обвалов, скажи мне: разве маленький человек не прав?

— Как не прав? — удивилась Савитри.— Ещё как прав! Он... самый правдивый человек на свете, этот маленький человек! Вот он, сын мой Кришна! Самый храбрый, самый красивый. И про него говорят, что его нет?! Самый умный, самый...

— Наш сын,— перебил её слон-отец,— хочет отправиться к этому маленькому человеку. Разве не по закону дружбы, который мы «чтим превыше всего», выходит он в путь? Что говорила об этом Савитри из древнего сказания?

Слониха умолкла. Она молчала очень долго. Наконец

¹ Имеется в виду древнеиндийское сказание «Махабхарата».

голосом, похожим на разговор лотосов с тёплым ветром, сказала:

— Пойдём узнаем у этой несносной Ласточки дорогу, а потом спустимся к великому Гангу¹ и благословим сына в далёкий путь к маленькому человеку...

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Илюк узнаёт слово печальное
и слово величественное

Как всё быстро меняется на свете!

Например, джунгли. Вроде бы всё по-прежнему: пальмы, обвитые длинными крепкими лианами, манговые деревья, бамбук. Но пять дней назад, когда Илюк с отцом и матерью жил в долине Хиндустана², когда его звали Кришной, джунгли были уютным домом. Захочется Кришне спать — джунгли становились тёплой постелью. Захочется есть — столом изысканных яств. А теперь, когда он остался один? Шелестнёт лист — встрепенётся и Илюк. А когда он жил в долине Хиндустана, когда его звали Кришной — что там шелест! — даже в страшную грозу, среди раскатов грома он стоял между отцом и матерью и знай себе уплетал что-нибудь вкусное.

Оказывается, банану тоже верить больше нельзя. Вот Илюк, не жалея хобота и ног, с трудом продрался сквозь чащу, огляделся и сорвал спелый-преспелый банан. Но только отправил его в рот, как из зарослей олеандра выскочил тигр — и вкусный, сочный, благоухающий, сладчайший банан стал горьким, словно корень ядовитого дерева...

— Аррр! — сказал тигр, блестя клыками и радуясь каждому своему «р». — Аррр... брррродишь? — И сладко зевнул. — Ты совсем один?

«Совсем-совсем один», — хотел ответить Илюк. Уже и рот открыл. Но какое это печальное слово — «один»...

¹ Ганг — одна из великих рек Индии.

² Хиндустан — долина, расположенная между реками Гангом и Джамной.

Такое печальное, что впору заплакать. Тогда, чтобы сдержать слёзы, слонёнок ответил совсем иначе:

— Нет... Не один... С папой, с мамой... Мы пришли целым стадом! Огромное-преогромное стадо, двадцатьшестьнадцать слонов!

— Ар...— поджав хвост, забормотал тигр, и клыки его потухли.— Миллион-биллион-триллион... двадцатьшестьнадцать!..— Он попятился к зарослям, присел— и исчез, как кошка исчезает в подворотне.

И обезьяны стали другими. Раньше, когда проходили слоны, они почтительно замолкали и смирно сидели на деревьях, теперь же вконец распустились! Только Илюк остановится, чтоб осмотреться, прикинуть, куда идти дальше,—они уже носятся вокруг него, прыгают с дерева на дерево, бросаются сухими ветками или же зацепятся хвостом за лиану, раскачиваются в воздухе и верещат:

— Кришна заблудился! Кришна сбился с пути! Кришна потерял дорогу! Во всех джунглях нет никого глупее Кришны!

Из-за этого крика и воя Илюк терял дорогу. Он кружился на месте. Порой даже возвращался назад.

Выручил его один старый кабан. Он стоял-стоял, слушал-слушал этот шум-гам и прохрюкал:

— Смейтесь? А сами Кришну от Илюка отличить не можете!

Обезьяны оторопели и замолкли. Потом, встречая Илюка, они недоуменно шептались: «Кто это? Кто это?»

Джунгли стояли неприступной стеной из листьев, корней, веток, стволов и лиан. Потому про них и говорят с опаской и почтением: «О-о, джунгли!» Но Илюк шёл своей дорогой. Он хоботом раздвигал крупные ветки, ломал их и прижимал ногой к земле. И всё же за ним не оставалось никакого следа, словно открылась в зелёной стене узкая дверь, впустила слонёнка и сразу же закрылась.

Кругом раздавались тысячи голосов, ведь в этой стране столько разных зверей, что...

если бы мы спросили:

1. Есть ли в Индии слоны?

2. Есть ли в Индии тигры?

3. Есть ли в Индии пантеры?

4. Есть ли в Индии леопарды?

5. Есть ли в Индии львы?

6. Есть ли в Индии обезьяны?

7. Есть ли в Индии носороги?

8. Есть ли в Индии крокодилы?

9. Есть ли в Индии попугаи?

10. Есть ли в Индии павлины?

11. Есть ли в Индии змеи?

То даже самый маленький житель Индии сразу бы нам ответил:

1. А чем тебе Кришна не влон? (Впрочем, он сейчас переименовал имя.)

2. Заткни уши, сейчас рявкнет тигр.

3. Прямо рядом ходят!

4. Ты что-о? Леопарды— это же пантеры и есть!

5. Попадаются.

6. Как можно жить без обезьян?

7. Конечно! И однорогие и двурогие!

8. Ох-хо! Бр-р-р!

9. Вон стая попугаев!

10. Сколько угодно!

11. Тс-с-с! Ещё услышат!

А всю прочую живность: медведей, буйволов, волков, лисиц, зайцев, диких кошек, мангустов, антилоп, черепах — пришлось бы перечислять не день или два, а целую неделю. Так что под конец усталый маленький индус отвечал бы коротко: «Да. Да». Или молча кивал бы головой, покуда не устала шея.

Немудрено, что джунгли вокруг Илюка шуршали, шипели, шелестели, рычали, ухали, свистели. Джунгли заполнены голосами, но разглядеть ничего нельзя: там и в полдень сумерки. Но ведь каждый хорошо знает свой дом и даже в темноте может пройти из комнаты в комнату. А джунгли были родным домом Илюка. Он и по слабому

195569

U.S. GEOLOGICAL SURVEY
WASHINGTON, D.C.

движению или шороху знал, кто там ходит. Вот лес огласился криками «Ху-у! Ху-у-у!», и высоко в листве промелькнули серые и чёрные тени — это обезьяны. Затрепетала и вновь застыла ветка — прошёл пятнистый олень. Словно жёлтый язычок пламени пробежал во тьме под зарослями — проскользнула пантера.

Но вот родные джунгли остались позади. Впереди, до самого неба, вздымались горы Гималаи. У Илюка зазвенело в ушах. «Хима! Хима!» — шумели кедры и ели. «Алайя! Алайя!» — стонали ветер и скалы. «Хималайя! Хималайя!» — гремело раскатами на весь мир.

Если перевести с древнего языка, то «хима» означает «снег», «алайя» — «обитель». Значит, горы Гималаи — это Обитель Снегов!

«О-о, Гималаи! — с опаской и почтением думал Илюк. — Обитель Снегов. Обитель — это что-то серьёзное, что-то вроде старого крепкого дома, который стоит вечно. Значит, тут вечно лежит снег? Неужели он никогда не тает?»

Глянул Илюк и видит: горы заняли всю землю и всё небо.

— Стадо гор! — сказал слонёнок. — Двадцатьшесть-надцать гор!

Если число «двадцатьшестьнадцать» однажды напугало и взрослого тигра, который даже в миллионах-триллионах кое-что смыслил, то как не встревожиться трёхлетнему слонёнку?

Теперь идти вперёд означало «подниматься вверх» или же «дойти до облаков».

— Вы — самые высокие горы на свете! — сказал слонёнок после того, как полдня прошагал вверх, а к облакам не приблизился даже наполовину.

Он и это сказал верно! Знаменитые путешественники, которые весь земной шар обошли вокруг, говорят то же самое. Если бы один из них стоял сейчас перед Илюком, он, конечно, сказал бы так:

«Да, Илюк, эти горы — самые высокие на свете! И самая-самая высокая вершина Джомолунгма (иначе — Эверест) тоже в Гималаях. Что? В следующем году пойдёшь

на Эверест? Ну... подрастёшь немного, станешь большим, сильным, может, тогда и... Что-о-о-о? Куда сейчас идёшь? Куда? Не может быть! Знаешь ли ты, что Чувашия отсюда очень-очень далеко! Так далеко, что когда там, в Чувашии, рассказывают малышам сказку на ночь, то про Индию говорят: «В тридевятom царстве, в тридесятom государстве...»

«Знаю! — ответил бы Илюк, удивляясь, почему отважный путешественник вдруг так разволновался. — Ласточка мне всё рассказала!»

Тогда путешественник подробно, не спеша рассказал бы о горах, пустынях, реках и морях, какие лежат на пути Илюка.

Но Илюк не встретил отважного путешественника и потому один, без помощи и совета, пересекал бурлящие горные реки, обходил бездонные ущелья, одолевал высокие перевалы — шёл по Обители Снегов, где властвует мороз и совсем близко солнце.

Оказывается, когда живёшь дома, под боком у мамы, даже себя самого толком не знаешь! Теперь Илюк знакомился с миром и в то же время знакомился с самим собою, узнавал, на что он способен, чего он не любит и что ему нравится.

Вот что узнал Илюк о слонах:

1. Посмотришь на слонов — они такие неуклюжие! Но это только кажется! Они могут пройти через любую, даже самую непроходимую чащу и подняться на самую крутую гору. А когда слоны идут по узкой тропе над пропастью, у них не кружится голова. И это очень хорошо! Голова у них большая, и представляете, какое это будет головокружение, если закружится такая голова?

2. Хобот — очень удобная штука. Удивительно, как это другие могут обходиться без хобота! Надо попить — хобот превращается в шланг, наберёт воды и выльет её в рот. Надо поесть — хобот как рука, сорвёт, что ему надо, и тоже в рот! Если уж приходится наказывать кого-нибудь, хобот становится дубинкой. Разок отведаешь — запомнишь на всю жизнь. Он же считается лучшим в мире носом. И вполне заслуженно. Лучше всех носов чует за-

пахи. Конечно, слон любит свой хобот, гордится им и бережёт его.

3. Они своё слово держат крепко. Если уж собрались к маленькой Хеведусь, то долго не раздумывают, сразу выходят в путь. Когда их ждёт Хеведусь, они могут шагать без отдыха несколько дней. Однако даже олимпийские чемпионы не могут каждый день повторять свои рекорды. Так и слоны, им тоже приходится иной раз остановиться, чтобы поесть и поспать. Потом они снова идут дальше.

Ещё Илюк узнал, что слоны, особенно трёхлетние, недолюбливают:

1. Такой неуместный вопрос, как «Ты совсем один?».

2. Когда сладчайший банан уже во рту вдруг становится горьким-прегорьким. Банан, а такой вероломный!

3. Вопли: «Заблудился!», «Сбился с пути!», «Потерял дорогу!», раздающиеся как раз в то время, когда стоишь и не знаешь, куда идти.

А что они любят больше всего?

Илюк узнал и это. Оказывается, больше всего они любят ВОСХОД СОЛНЦА! В эти минуты трёхлетние слонята стоят не шелохнувшись и смотрят, как, постепенно озаряя мир, освобождая его из мрака и теней, поднимается солнце. Выступают горы, окрашиваясь в розовое и голубое, искрится снег. Солнце так близко, что можно даже поговорить с ним:

— Солнце! В какую сторону мне идти? Ты оттуда видишь Чувашию?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой тропинка вдруг срывается с места
и уходит куда-то по своим делам

Поднимется Илюк на гору — перед ним встаёт другая, одолеет её — дорогу преграждает третья. Вот и идёшь: вверх-вниз, вверх-вниз. Может, кто-нибудь скажет: «Вниз — это не беда! Лишь бы подняться, а спуститься — проще простого! Можно съехать на хвосте».

Если скажет, значит, этот «кто-нибудь» любит говорить не подумав. Спуск с горы зачастую бывает страшней и опасней, чем подъём.

Илюк остановился. Куда ни помотришь — горы.

«Двадцатьшестьнадцать гор!» — сказал он обеспокоенно.

Не подумайте, что Илюк повторился. Это были другие двадцатьшестьнадцать гор. Те, первые двадцатьшестьнадцать, он уже оставил позади.

С самого первого дня путешествия Илюк шёл так, как научила его Ласточка.

Он всё ещё шагал по Гималаям, которые на севере смыкаются с Памиром.

«Памир! Мне надо на Памир», — повторял про себя Илюк. Спустившись с Памира, он попадёт в огромную страну, где находится та самая Чувашия, где, как в гнёздышке, живёт Хеведусь.

Илюк поднимался по крутому склону всё выше и выше. Каждый шаг отдавался в нём. Топ-топ — шагал кто-то в голове, топ-топ — колотилось сердце.

Стояла великая тишина. Не пели птицы, и не шелестела листва. Их здесь нет — ни птиц, ни деревьев. И вдруг — гул и грохот! Сорвалась снежная лавина. Эхо запрыгало по вершинам, потом опять стало тихо.

Но вдруг поднялся ветер. Он налетел с такой яростью, что даже сильный и бесстрашный хобот Илюка свернулся, как сухой лист. Стих ветер — повалил снег.

Наконец небо прояснилось. Обитель Снегов засияла ослепительной белизной.

Илюк шагал по снежной равнине и вдруг упёрся в крутой склон. Он пошёл вдоль склона, чтоб найти место, где можно подняться. И радостно затрубил. Да это же тропинка! Настоящая тропинка! Кто-то вырубил её в обледенелом склоне! Может быть, это не простая тропинка, а Ведущая-прямо-в-Чувашию? Обрадованный путешественник стал подниматься по ступенькам. Вдруг под ногами раздались треск и ворчание. Тропинка зашевелилась и поехала куда-то вбок.

— Тропинка, ты куда? Что ты делаешь?! — закричал

Илюк.— Остановись! Послушай! Мне совсем в другую сторону!

Оказывается, тронулась с места лавина, и вместе с ней пополз весь ледяной склон. И тропинка, и стоящий на ней Илюк заскользили к пропасти!

— Нормальная тропинка — она всегда на одном месте! Ляжет, вытянется — и на всю жизнь! — быстро-быстро заговорил поражённый таким коварством Илюк.— Не только тропинки, даже большие дороги и те лежат не шелохнутся! Это что же такое будет, если они начнут бегать с места на место? Дома родного не отыщешь! Всех друзей растеряешь! Я думал, ты — Прямая-тропинка-ведущая-в-Чувашию. А ты, оказывается, Кривая, не любишь лежать там, где тебе положено. Если ты собралась в гости, нужно было сказать сразу! И я бы не пошёл по тебе. Послушай, почему бы тебе не отправиться наверх? Посмотри, как там хорошо! Ай! Остановись! Ты что, не видишь — пропасть! Остановись!!!

Лавина съехала к пропасти и ухнула вниз. Раздался оглушительный грохот. Потом всё стихло, осела снеж-

ная пыль и послышалось бормотание, кто-то умолял кого-то:

— Родненький, миленький, ну пожалуйста, держись, крепись, не сорвись! Молодчина! Желая тебе много-много лет жизни! Здоровья тебе, хорошего настроения!

Это был Илюк. Он успел зацепиться хоботом за выступ скалы и теперь, болтая ногами, висел над пропастью и уговаривал свой хобот:

— Потерпи, миленький, потерпи! Когда придём к Хеведусь, отдохнёшь сколько хочешь! А сейчас, пожалуйста, пожалуйста, пож-жалуйста... держись. Пусть тебя дразнят «бревном», «насосным шлангом», а на самом деле ты — самый славный, самый крепкий крючок! Ты — Лучший друг Илюка. Потерпи, миленький, потерпи! Как только найду, куда поставить ногу, я скажу: «Раз, два, три!» И ты сразу отпусти этот выступ и зацепись вон там, повыше! Ты думаешь, что жизнь всегда будет такой тяжёлой? Ошибаешься, ах, как же ты ошибаешься, самый крепкий, самый терпеливый мой крючок! В Чувашии есть леса, есть светлые поляны, журчащие ручейки! И нет скал, пропастей и непоседливых тропинок. Внимание, хобот, приготовиться! Раз, два, три! Ах, какой смекалистый! Такой молодой и уже такой умный — как удачно зацепился! Какой же ты сильный! Я ведь очень тяжёлый! А ты держишь меня. Знаешь, хобот, в Чувашии есть яблоневые сады. Мы придём туда, и ты будешь сгибать ветки с большими красными яблоками! Только сейчас потерпи! Внимание, хобот, приготовиться! Раз, два, три! — сказал Илюк, подтянулся, рванулся изо всех сил и вылетел из бездны прямо в сугроб.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой совершенно неожиданно
в горах Памира пропадает хобот

Разве узнаешь, какие они, облака, если смотришь на них с земли? Скажем, ты залез на дерево. Что увидит тот, кто стоит под деревом? Только твои пятки. Вот и нам с земли видны только пятки облаков. Если хочешь заглянуть им в лицо, надо постоять рядом с ними или даже

подняться выше их. Вот пожалуйста, Илюк стоит на вершине, а под ним плывут облака.

— Стадо облаков! — говорит Илюк, скосив глаза себе под ноги. — Двадцатьшестьнадцать облаков!

Больше всего Илюк любит смотреть на облака утром. Долины внизу дымятся в сизой полумгле, снежные вершины уходят в синеющую даль. Подножия гор закрыты туманом. Потом он расходится, и видно, как рядом с горами, столпившись, спят облака. Они белые, а порою светятся насквозь. Солнце поднимается выше, облака просыпаются. Вот одно из них снимается с места и медленно выплывает в синий простор, ведя за собой остальные. Иногда они уходят далеко-далеко, исчезают из глаз, иногда стадами ходят по горизонту.

А вечером облака появляются вновь. Но теперь — зелёные, розовые, жёлтые — они растягиваются по всему небу. А те, что лежат возле заходящего солнца, полыхают огнём.

Но облака могут взять в плен. И даже могут ограбить.

Но Илюк не знал об этом и смело направился в затянутое облаками ущелье. Он шёл и удивлялся: какой всё же у него замечательный хобот! То согнёт ветку, то выдернет пучок травы, стряхнёт с неё землю и отправит в рот, то схватит маленького, всего с конопляное семя, жучка и, чтоб удобнее было рассмотреть, поднесёт к самым глазам.

— Как только другие живут без хобота? — от души пожалел Илюк «других».

Тихонько мурлыча песенку, ласково поглядывая на хобот, Илюк спустился в ущелье... и вдруг оттуда, из облака, раздался крик, полный ужаса:

— Хобот! Хобот!

Куда же он делся? Пропал! Только что величаво показывался перед глазами — и пропал!

— Хобот! Где ты? Хобот! — жалобно звал Илюк.

Будь на месте Илюка обезьяна, она бы уже вопила: «Украли! Ограбили! Верните мой хобот!» Но Илюк не мог ни о ком подумать так плохо.

Потом пропали ноги и хвост.

— Ног нет, хвоста нет, хобота нет. Ушей...— Илюк скосил глаза,— тоже нет. Только я сам остался. Как же так? Ничего нет, а я сам — есть. Что же это — «я сам»?

Он понял, что попал в плен к облакам. Сначала они утащили самого близкого друга — хобот. Потом хвост и ноги, потом уши. Но вопить, как обезьяна, Илюк не стал. Он печально вздохнул: это был третий случай вероломства, который он пережил в своей жизни. Сначала — банан, который уже во рту стал горьким, потом — тропинка-непоседа, и вот теперь — облака...

«Холод — он коварный,— предупреждала мать,— покрадывается тихо-тихо, медленно-медленно, сам не заметишь, как окоченеешь. Смотри не стой на месте, иди дальше».

А куда идти, если тебя захватили в плен облака? Делаешь шаг — и свалишься в пропасть. Сейчас «иди дальше» может означать только одно — «стой и притопывай».

— А чем притопывать? Нечем...— пробормотал Илюк.— Ноги-то пропали.

«Но всё равно я постараюсь не замёрзнуть!» — решил Илюк. И с этим твёрдым намерением он улёгся прямо на снег. «Я буду изо всех сил стараться не заснуть... Изо всех сил...» И тут же заснул.

Если бы к спящему Илюку подошёл доктор, приставил свою трубку к его груди и послушал, он тут же закричал бы: «Скорей! Скорей! Его нужно в больницу! Как можно скорей!»

Но высоко в горах, ночью, в ущелье, где путников подстерегают холодные коварные облака, доктора встречаются не часто...

Но высоко в горах ходят пастухи.

Кто-то разжал Илюку челюсти, влил в рот что-то горячее и принялся растирать ноги. «Этот «кто-то», — думал Илюк сквозь сон, — конечно, человек, «что-то горячее», — кажется, разогретое овечье молоко, а «ноги», — разумеется, мои собственные ноги. Они снова нашлись». Илюк хотел сказать: «Спасибо! Двадцатьшестьнадцать раз спаси-

бо!» — но только шевельнул хоботом (и хобот тоже был здесь!) и опять провалился в сон.

Но всё же ему не дали выспаться.

— Вставай! Вставай, соня! — толкал и тормозил его кто-то. Это был уже другой «кто-то». — Ну и дрыхнет! Вставай, тебе говорят! Мне надо кое-что узнать у тебя!

— Завиток! — одёрнули торопыгу. — Ты что? Ты до сих пор не усвоил обычаев гостеприимства! Нам стыдно за твоё воспитание! Сначала путник должен отдохнуть. Подожди, пока он не выспится.

— «Пока не выспится!»! — не сдавался тот, кого называли Завитком. — Так всё на свете можно проспать! Дрыхнет, будто маленький!

— Он и правда маленький! Совсем ещё ребёнок!

— Ребёнок?! Вы что, ослепли? И меня называете ребёнком, и этого дылду! Какой же он ребёнок, он большой, как стог! Значит, вообще прадедушка!

Все засмеялись. Илюк тоже рассмеялся и открыл глаза. Оказалось, вокруг него собралось стадо овец. Впереди всех стоял маленький чёрный ягнёнок с поднятым передним копытцем и сердито смотрел исподлобья. Видать, тот самый беспокойный Завиток — вон в каких тугих завитках у него шёрстка! Наверное, сейчас ударит копытцем или сядет верхом ему на хобот.

Илюк встал и посмотрел по сторонам.

Позади отары, рядом с облаками, стоял Чабан. Это был высокий белобородый старик, в большой шапке и стё-

ганом халате. «У нас люди одеваются совсем по-другому. Я, наверное, пришёл в другую страну», — подумал Илюк. И слонёнок был прав. Наконец-то он пришёл на Памир.

Чабан улыбнулся, махнул рукой и сказал что-то. Его голос Илюк узнал сразу: этот человек всю ночь лечил его, поил тёплым молоком, нашёл его ноги и отогрел их!

Это они, Чабан и его стадо, спасли Илюка!

Приветствуя своих спасителей, Илюк трижды взмахнул хоботом. Когда он вскинул хобот в третий раз, Завиток закричал:

— Такой хороший подъёмный кран, а работает вхолостую! — и запрыгнул прямо на хобот.

Ягнёнок взвился в воздух, в самую середину белого облака — и стадо в ужасе отпрянуло в стороны. Он благополучно спустился на землю — и овцы, спотыкаясь, сбивая друг друга с ног, бросились к нему.

— Дитя моё, кто ты, откуда пришёл и куда идёшь? — спросила у Илюка Старая Овца.

— Я Илюк, иду из Хиндустана в Чувашию, — сказал Илюк, — там меня ждёт...

— Постой! Постой! — снова вмешался Завиток. — Прежде чем заводить долгий разговор о своих дядях и тётях, скажи главное: ты нигде не встречал самую лучшую собаку в мире? Её зовут В-один-миг. Потому что она бежит так быстро, что может обежать вокруг своей тени!

Конечно, собаки — большие мастера бегать, но такой удивительной Илюк не встречал нигде. Все овцы разом печально вздохнули.

И Старая Овца грустным голосом поведала такую историю:

— Дитя моё, ты пришёл в Страну Гор. Здесь хорошо жить и людям и нам. Наш Чабан очень добрый: когда мы переходим с пастбища на пастбище, он несёт наших маленьких ягнят на руках. И он очень умный: знает все места, где растёт вкусная трава. Ещё с нами была собака, она защищала нас от волков. Но месяц назад, когда мы паслись внизу, возле нашего пастбища весь день крутился какой-то человек с горящим взглядом и косою бородой. А ночью собака пропала. Где только не искали мы нашего

друга! Нет, будто сквозь землю провалилась знаменитая славная собака В-один-миг...—Старая Овца опять вздохнула и печально посмотрела на Завитка.— Они были неразлучными друзьями. Завиток всё ещё ждёт её и часто убегает на поиски. А этой ночью он наткнулся на тебя...

Взошло солнце. Его свет и тепло разогнали облака, и они выпустили на свободу всё, что взяли в плен за ночь,— скалы, деревья, кусты, зелёную траву.

— Очень хорошо, что ты идёшь к Хеведусь,— сказала Старая Овца.— Пока ты доберёшься до Чувашии, ты многое увидишь. Может быть, встретишь и нашу собаку...

Илюк обещал, что будет везде расспрашивать о пропавшей собаке.

— Обещания мало! — топнул ногой Завиток.— Ты должен дать клятву! Повторяй за мной: «Я, Илюк, сын Хиндустана, стою перед великим стадом великих овец и клянусь...»

Илюк торжественно поклялся везде, где бы он ни был, искать самую быструю в мире собаку по имени В-один-миг.

— А теперь покатай ещё! — сказал повеселевший Завиток.

Илюк покатал его на славу: Завиток взлетал верхом на хоботе, скрывался в белом облаке и опускался вниз. Старые овцы жмурились от ужаса. Ягнята, блестя чёрными глазами, тесно обступили Илюка.

— Сейчас моя очередь! Сейчас моя очередь! — кричали одни.

— А он лезет без очереди! — жаловались другие.

Илюк покатал всех. Будет о чём вспоминать!

— Отстаньте от Илюка! Он выбьется из сил и не сможет искать нашу собаку! — сказали овцы. И только тогда ягнята угомонились.

А Илюк пошёл дальше.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

где встречается храбрец, готовый сразиться с соперником, который больше его в две тысячи раз

Что это? Подул ветер? Илюк с трудом поднял голову. Нет, не ветер. Два орла пролетели над ним и опустились на валун неподалёку. Потемнело в глазах, и Илюк снова уронил голову на песок.

— Итак, мой сын,—сказал один из орлов,—какое же правило усвоил ты сегодня?

— Правило такое: «В минуты опасности нельзя терять головы. Надо взять себя в руки и спокойно всё обдумать. И только потом действовать. Иначе придётся туго».

— Приведи пример.

— Например, вот этот слонёнок. Сегодня утром он спустился с гор в нашу пустыню. Наверху в горах было очень холодно. С холода он сразу попал в пекло и, наверное, обезумел от жары. Он стал бегать туда-сюда. Кружился-кружился и опять приходил на прежнее место. Я хотел посоветовать ему, что делать,—куда там! Он в ужасе бросался от меня прочь. Потом он совсем выбился из сил, опустил свои уши-лопухи, закрыл глаза и свалился в тени валуна. А если бы он знал это правило, он взял бы себя в руки, успокоился и придумал, как спастись. Здесь только саксаул, полынь и солончаки. Но там, справа, зелёная долина. Там течёт река, там лес, там сочная трава, там прохладная тень. Вода в пустыне — это жизнь!

— Молодец, Младший! Ответил без единой ошибки! — довольный клёкот Старшего Орла прорезал недвижный воздух.— Хочешь что-нибудь сказать этому слонёнку?

— Да, отец.— Орлёнок оторвался от валуна и, облетев вокруг Илюка, опустился возле его хобота.— Слушай, путешественник! Жара спала, и через полчаса ты сможешь идти. Дойдёшь до серой скалы, потом направо — там вода и сочная трава.

Илюк поднялся. Всё кружилось: пустыня взмывала над головой, а небо путалось под ногами.

Илюк не смотрел, куда ступает,— да и что заметишь, если небо с землёй то и дело меняются местами! К тому

Illustration of a hawk, eagle, and elephant.

же слоны и шагают бесшумно. Вот поэтому Илюк чуть не наступил на целую семью сусликов.

Вероятно, у сусликов было важное собрание. Расположившись кругом, они сидели на задних лапках, а один, стоя посередине, держал речь. Широкая ступня Илюка уже опускалась на всё это собрание, но вдруг тот, кто держал речь, свистнул. И все брызнули в разные стороны. Илюк с поднятой ногой застыл на месте:

— Кто же это такие?

Все попрятались, и никто ему не ответил.

— Да это же трюсы,— нашёл Илюк ответ.

Он опустил ногу и осторожно пошёл дальше.

Сзади слышались возня и перепалка:

— Тише, Острый Зуб! Успокойся!

— Острый Зуб! Ты с ума сошёл! Посмотри, какой он огромный! От тебя только мокрое пятно останется!

— Не пускайте его! Держите! Крепче держите!

— Отпустите меня! Сейчас же! Вам говорю! Отпусти-те! — кричал тот, которого звали Острым Зубом.— Не стерплю! Он оскорбил нас!

Вероятно, он всё же вырвался из лап своих сородичей, голос его быстро приближался:

— Ты-ы-ы!.. Эй, ты! Ну-ка остановись!

И он предстал перед Илюком! Суслик, величиной с палец слонёнка. Не вышел ростом, но взял красотой. Спинка золотисто-песчаная, брюшко серебристо-белое, глаза круглые и чёрные.

Вдруг глаза суслика стали красными, словно в них зажёгся уголёк.

— Сколько живём на свете, ещё никто нас так не оскорблял! Обозвать нас трусами! Нас — сусликов из рода Откуси-с-первого-раза! Не потерплю такой обиды! Я вышел бороться с тобой. Я положу тебя на обе лопатки! Только, чур, без подножки!

— Бороться? — удивлённый Илюк отступил назад.— Бороться со мной? Как же ты будешь со мной бороться? Ты же мне и до щиколотки не достанешь?

— До щиколотки?! — Острый Зуб чуть не задохнулся от ярости.— Кто тебя воспитывал?

— Мама Савитри,— сказал Илюк.

— Плохо она тебя воспитала! Я говорю о чести рода, а ты бахвалишься своими щиколотками. Нашёл что с чем сравнивать! Честь и щиколотку! По-твоему, кто большой, тот и сильный? А ум? Как быть с умом? Может, у кого больше щиколотка, тот и умней? Будь у тебя ума хотя бы по щиколотку, ты бы подумал: «Как бы мне не помешать этому почтенному семейству» — и далеко обошёл нас. А ты полез напрямик! Ещё и трúсами нас обозвал! Ты, щиколотка, я вызываю тебя на бой! На твой последний бой!

Острый Зуб подбежал к ноге Илюка. И лишь тут заметил, что, действительно, не достаёт ему даже до щиколотки. Дрожь прошла по спине суслика. «Ну и погодка нынче! Опять похолодало, руки-ноги сводит! — подумал он.— Эх, закончить бы этот разговор без схватки...»

— А! Ты дрожишь! — закричал Острый Зуб, подпрыгнув на месте. — Руки-ноги сводит? Испугался? Ладно, если боишься схватиться со мной, так и быть — схватись сначала с дядей! — Острый Зуб обернулся и крикнул своим родственникам, которые, чуть высунув носы из нор, с ужасом смотрели на них. — Ну-ка, быстрее позовите дядю!

Родственники бессмысленно таращились на него. Острый Зуб подмигнул им и напустился ещё пуще:

— Слышите, что говорю? Одна нога здесь, другая там. Ведите дядю! Хочу устроить ему праздник. Вчера он весь день вздыхал: «Научился, говорит, своих про-

тивников перекидывать через голову. Сегодня перебросил через голову восемнадцать старых быков. Мелочь — даже возиться с этим не хочется. Закинуть бы, говорит, за об-лака слона». Сбылась его мечта! Есть один невоспитанный слон! Бегите за дядей!

Наконец эти недотёпы зашевелились. Самый маленький суслик выбежал из норы и, тоже подмигнув, пропи-сал:

— Мы не знаем, как быть: твой дядя так крепко спит.

— Разбудите! — приказал Острый Зуб. — Сколько можно спать? Скажите: «Острый Зуб велел проснуться!» Сразу прибежит!

Илюку было неловко: так некстати нарушить семей-ный совет! Он постарался успокоить расходившегося суслика:

— Пусть спит твой дядя! Наверное, после победы над восемнадцатью быками он немного устал. Конечно, я очень бы хотел познакомиться с ним. Выходит, мы с ним боремся одинаково, я тоже своих противников пере-кидываю через голову.

Суслик опять вздрогнул.

— Острый Зуб! — продолжал Илюк. — Не сердись на меня, про тусов я сказал не подумав.

— И про щиколотку!

— И про щиколотку тоже. Род твой славный, и ты достойный племянник своего доблестного дяди.

— Хм-м... — покосился на него Острый Зуб. — Совер-шенно верно! Я давно заметил, что большие часто гово-рят не подумав. И вот почему. Большие сильнее малень-ких, вот они и думают: кто сильнее, тот и прав. Но это совсем не так!

— Это совсем-совсем не так! — согласился Илюк.

Острый Зуб с облегчением вздохнул. Красные глаза опять стали чёрными, он уселся на задние лапки, прилизал, причесал свой мех, потом почистил мордочку, поёрзал, расположился поудобнее и спросил:

— Откуда ты?

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

она маленькая, но в ней принимают
большое решение

Н

у и жара! — сказал Илюк.

— Хм-м... — ответили ему. Слово-то короткое, но прозвучало оно так, словно хотели сказать: «Разве это жара? Настоящая жара ещё и не начиналась!»

Днём в пустыне все прячутся от жары. Некоторые такие догадливые, что затыкают вход в нору комком земли.

Илюк и Острый Зуб шли, увлечённые беседой, и не заметили, что за ними крадётся человек с горящими глазами и косою бородой.

— Ха! Вот это зверь так зверь! — радовался Косая Борода. — Везёт мне! Сначала я украл собаку, теперь пригоню домой собственного работника. Вот заживу! Говорят, слоны могут делать всё. Уж я его заставлю поработать! Будет качать воду из самого глубокого колодца. Тяжёлая работа — большие деньги. Но как же поймать его? В мешок не засунешь, арканом тоже не удержишь. Прострелю ему ногу. — Косая Борода, славя сегодняшней день и лёгкую добычу, поднял ружьё. — Уж тогда никуда не убежит. И на цепь, как собаку, не надо сажать.

Но только он прицелился — что-то тёмное, быстрое ударило его по лицу. Раздался выстрел. Когда рассеялся дым, можно было увидеть, как орлёнок Младший бьёт крылами Косую Бороду по голове, а Илюк во всю прыть несётся к ним.

Косая Борода опять вскинул ружьё. Прогремел второй выстрел. Снова всё затянуло дымом. И высоко над клубами дыма кувырком взлетел бесчестный охотник. Это Илюк добежал до него, обхватил хоботом и подбросил вверх. Дым рассеялся. Косая Борода кувыркнулся ещё раз и упал на своё ружьё.

То бегом, то на четвереньках удирал Косая Борода. Тут настал черёд Остроного Зуба, и пятки Косой Бороды узнали на себе, что этот суслик своё имя носит не зря.

Илюк бросился к Младшему. Орлёнок лежал расплас-

тавшись, и на кустик, за который он зацепился одним крылом, капала кровь.

За три дня Илюк так осунулся, что от весёлого щекастого слонёнка только хобот остался. И походка и голос — всё изменилось. Это был совсем другой слонёнок. Он думал только об одном: неужели Младший умрёт?

По несколько раз в день Илюк ходил к реке, приносил в хоботе воду и поливал задыхающегося от жары орлёнка. Там, где лежал Младший, выросла весёлая зелёная трава, но орлёнок слабел с каждым днём... И никто не мог ему помочь!

Но урок Старшего Орла не прошёл для Илюка даром. Когда ему стало совсем невмочь, когда ему захотелось ушами закрыть глаза, он вспомнил правило: «Даже в самые тяжёлые минуты не теряй головы, возьми себя в руки (Илюк обхватил себя хоботом), успокойся и обдумай, как быть дальше...» Илюк подумал — и вспомнил своего спасителя Чабана! Вот кто поможет им! Он человек, он должен знать всё! Он знает всё!

— Ждите меня! — закричал Илюк. — Нам поможет Чабан! Я иду!

— Как? А я? — растерянно забормотал Острый Зуб. — Как же так? Я ещё вчера обошёл всех друзей и родственников, сообщил, что не сегодня завтра уеду на слоне... — Но тут же всплеснул лапками: — Ах, сколько у меня было дел! Но ничего не поделаешь, придётся всё отложить. Надо отправляться в путь с Илюком. Илюк, сам подумай: как ты пойдёшь один? Ни прямых дорог, ни обходных путей не знаешь! Здесь нужны опыт и смекалка Остроного Зуба! Как же тут без Путеводного? Что ж, придётся мне усесться на тебя, Илюк! Надо торопиться! В путь!

Конечно, они встретились как старые друзья. А старые друзья любят посидеть, поговорить о том о сём. Но сейчас гости очень спешили, и потому разговор был только о самом главном.

— Я думаю, мы решим это вместе, — сказал Чабан. — Представьте себе бурую скалу. Стоит она, может, уже сто веков, и сто веков ничего там не росло. Но пришла вода, и вырос куст...

— Волшебная вода! — сказали овцы.

— Волшебный куст! — сказали Илюк с Острым Зубом.

— ...и на том кусте выросли алые ягоды, — продолжал Чабан.

— Волшебные ягоды! — сказали все. — Они вылечат орлёнка!

— Вот мы и решили вместе: нужно идти к Нурёку! Туда, где перекрыли дикую реку Вахш. «Вахш» по-таджикски означает «бешеный». На этой бешеной реке построили самую высокую в мире плотину. Неподдалёку от плотины и растёт Алое Сокровище — куст с волшебными ягодами. Но чтобы сорвать их, нужно переплыть бешеную реку и подняться по отвесной скале. Спешите!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой выясняется, что в трудные минуты можно надеяться и на маленького суслика, и на маленькую звезду

Надо идти семь дней, пройти через Пустыню — Будущий оазис и через Оазис — Бывшую пустыню, — сказал Чабан.

Но когда ранен друг, когда ему нужна помощь и всё зависит от твоих ног, семидневную дорогу можно одолеть за три дня. Слоны, как бы ни торопились, бежать не любят — ровным спокойным ходом они пройдут столько же, сколько другой — галопом и поскаком.

— Одно и то же — пески, пески... — вздохнул Илюк.

— Ничего подобного! Не «одно и то же»! — возмутился сидевший на нём житель здешних мест. — Пески пескам — рознь!

Иногда чуть-чуть намекнут, чуть-чуть подскажут — у тебя глаза и раскроются! Посмотрел Илюк и увидел: действительно, пески пескам — рознь. У них и цвет разный: светло-жёлтый, оранжевый, красноватый, тёмно-коричневый. Они и лежат по-разному: грядами, холмами, буграми — или же вздымаются, как горы. Пески бывают подвижные, то есть сыпучие, и неподвижные, поросшие травой и кустарником.

Сейчас Илюк шёл по сыпучим холмам — барханам. Было раннее утро. Песок прохладный, чистый, без единой соринки, с мелкой рябью — ступать приятно.

Весна ещё не кончилась, а это самая весёлая пора в пустыне. Звенят жаворонки, распевают удоды.

Но прошло несколько часов, и пустыня уже полыхала жаром. Песок обжигал ноги, синее небо помутнело в дымке. Птицы умолкли, спрятались в тень кустов.

— И мне пора в шатёр! — беспокожно заёрзал Острый Зуб.

Илюку стало грустно: его товарищ решил спрятаться, значит, он хочет остаться здесь! А ведь Илюк уже привык к попискиванию и посвистыванию Острого Зуба, который успел поведать ему историю всей своей жизни.

Илюк поискал взглядом шатёр, о котором говорил суслик. Никакого шатра не было. Но Илюк остановился, чтобы Острый Зуб мог спрыгнуть на землю.

— Ты что встал? Дорога́ каждая минута! — закричал Острый Зуб.

— Ты же хочешь спрятаться...

— Да-да! Давно хочу! Давно пора! Я скоро весь обгорю, в уголёк превращусь, в горстку пепла! А тебе жалко свой шатёр-шалаш-навес. Не хочешь пустить измученного путника! Был бы один шатёр — куда ни шло, а тут целых два!

«Что с ним? Неужели солнечный удар? Какие-то шатры мерещатся...» — с ужасом подумал Илюк.

Но тут так полыхнуло жаром, что Острый Зуб завопил:

— Скорей! Скорей подними своё ухо!

Илюк поднял уши.

— А теперь опусти!.. С ума сойти — какой прекрасный шатёр! — раздался из-под левого уха довольный писк Остро́го Зуба.

Мудрый Путеводный, даже сидя в тёмном шатре, знал, в какую сторону им держать путь:

— Три шага направо, потом три шага налево и — прямо!

Илюк, увязая в горячих песках, шёл и шёл дальше... Пустыня словно вымерла. Только ящерицы сновали. Выбегут и глядят немигающими глазами: кто он такой, этот большой путник, почему не прячется от зноя? А пройдёт Илюк, они забегут в его след и удивляются:

— Охо-хо! У этого Бегущего бархана каждый след — словно высохшее озеро!

Солнце пошло на закат. От барханов протянулись синие тени. Острый Зуб вылез из шатра, сел столбиком на спине слона и скомандовал:

— Шаг направо, шаг налево, шаг назад и — сто тысяч шагов вперёд!

Ночью у Илюка появился ещё один Путеводный — маленькая звезда, по имени Острый Луч.

Ночью пустыня изменилась неузнаваемо. Вышли на охоту те, кто днём прятался в норах. А на небе выпали

звёзды. Звёзды были крупные, ясные и совсем близко — протяни хобот и сорвёшь. Но вот показалась ещё одна, маленькая, — распустив три острых луча, она сияла далеко впереди.

— Острый Зуб! Нам надо идти к той звезде! Смотри, она показывает нам путь!

— Путеводный — это я! И нечего ей совать свои острые лучи не в своё дело! Впрочем, ладно, если ей так хочется, пусть светит, — строгим голосом сказал Острый Зуб.

Сказал-то он сурово, но сам был рад-радёшенек неожиданному помощнику — вокруг пошли совершенно незнакомые места.

Илюку тоже хорошо. Сразу два Путеводных у него. Один, с острыми зубами, командует днём: «Шаг — направо, шаг — налево!» А наступит ночь, за дело берётся другой, острыми лучами показывает дорогу.

На второй день перед ними раскинулась ровная, как стол, и твёрдая, как камень, глинистая пустыня. Огромные трещины разбежались по ней. И каждая трещина, казалось, кричала: «Воды! Воды!»

— Ничего... — бормотал Илюк, сердито оглядывая раскалённую пустыню. — Нурек усмирил Вахш? Усмирил. И тебя усмирит! Перестанешь жечь путешественников! Будешь оазисом!

Какая му́ка шагать по горячей, растрескавшейся глине! Но от рассказов Остро́го Зуба о своём дяде становилось веселее. У Илюка даже дух порою захватывало: вот это дядя так дядя! Собери подвиги силачей всех времен, сложи все вместе, и то рядом с подвигами дяди они будут выглядеть как кротовая кучка рядом с Гималаями. И просто удивительно: до чего же он, этот несравненный дядя, любит своего племянника!

Иной раз суслик от восторга перед подвигами дяди свистел. И свист пронизывал Илюка насквозь: от левого уха до правой задней пятки. А это было щекотно. Один раз Острый Зуб свистнул особенно пронзительно. Тогда Илюк остановился и показал ему свой след. Посередине его была ямочка — там вышел свист. Они договорились: впредь, когда Остро́му Зубу захочется свистнуть, он

сначала вылезет из-под уха и лишь потом свистнет.

Так прошёл второй день. Наступил вечер. Потянуло прохладой. Острый Зуб, съёжившись, сидел на слоне и весело попискивал, вернее, старался весело попискивать. Эта пустыня всё больше не нравилась ему. Неужели заблудились? Суслик с горечью подумал, что приказы «шаг — налево, шаг — направо» больше годятся для танцев, чем для серьёзного путешествия. И он с нетерпением ждал, когда обязанности Путеводного можно будет передать Острому Лучу.

В эту ночь Острый Луч немного опоздал. Илюк остановился и позвал:

— Маленькая звезда, где ты?

Пронзив лучами длинное серебристое облако, вспыхнула маленькая звезда. Наши путешественники поняли, что днём сильно отклонились в сторону...

А на третий день всё было по-другому. Зелёными полями, густыми садами они шли по Оазису — Бывшей пустыне. Солнце палило, как и вчера, но тень садов не давала жечь землю, овевала прохладой. И всё это сделала вода Нурека! Тут уж всякий

поверит в её волшебную силу. Только она и может вырастить чудо, которое излечит Младшего! Ноги несли Илюка с такой быстротой, будто в каждой из четырёх пяток сидел свист.

К реке они подошли поздно ночью. Сверкали звёзды. Рядом сиял новый город. Прохлада лавиной спускалась с гор. Высоко на скалах показались тени горных козлов. Застыли на миг — и растаяли в темноте.

Острый Зуб сидел, крепко вцепившись в спину друга. Оба молчали. Никогда не думал Илюк, что вода может так грохотать. Он встречал воду — она тихо журчала, встречал воду — она текла без единого звука, лилась, как ласковый поток света. Ещё Илюк был хорошо знаком с одним озером, поросшим жёлтыми лотосами. Озеро было большое, но и оно лишь тихо плескалось. Ганг иногда выходил из берегов, но даже тогда (а ведь какая большая река!) не грохотал так страшно, как этот бешеный Вахш.

Не доведись Илюку выслушать урок Старшего Орла, он, может быть, и испугался бы. А сейчас он, слонёнок, только отступил на два шага.

— В тяжёлые минуты нельзя терять головы, надо изо всех сил взять себя в руки и спокойно обдумать, что делать дальше! — сказал Илюк. — Время дорого, ждать утра мы не можем. План таков. Во-первых, Острый Зуб спрячется под ухо Илюка. Пока Илюк не скажет, он оттуда и носа не высунет. Во-вторых, поток может ударить Илюка о камни и оглушить. Значит, он должен дать слово в любом случае не терять сознания.

— А сколько мне сидеть под твоим ухом? — встревожился Острый Зуб.

— Пока к тебе не придёт мой хобот.

— А твоему хоботу можно доверять? Ты сам сказал, что в горах, в самый нужный момент, он вдруг взял и исчез.

— А потом нашёлся. Прячься! Нельзя терять ни минуты!

Недовольно бормоча про тех, которые пропадают в неурочное время и возвращаются, когда уже слишком поздно, Острый Зуб перебрался под Илюково ухо.

— Что бы ни случилось, не потеряю сознания! — сказал Илюк самому себе. Но, подойдя к воде поближе, пробормотал: — Легко сказать, да трудно сделать!

Но есть на свете Младший!

— Сегодня надо думать только о Младшем! — сказал Илюк и бросился в воду.

Спина слонёнка на миг показалась над бурунами и снова исчезла. Прошло много-много времени, и наконец Илюка прибило к другому берегу.

Он тяжело дышал. На беду, что-то случилось с левым ухом, оно затрепыхалось, а потом закричало истощным криком:

— Тону! Тону!

Илюк тряхнул головой, и тот, кто собирался утонуть, теперь завопил:

— Ой, падаю! Падаю!

— Ай-ай! — усмехнулся Илюк. — Обычно сначала падают, а уж потом тонут. У этого всё наоборот — сначала тонет, а потом уже падает.

Бешено грохочут воды Вахша. Темно в узком глубоком ущелье. Ничего не видно. Где же кустик?

— Острый Луч! — позвал Илюк. — Ничего не видно!

Маленькая звезда спустилась в ущелье. Три луча собрались в один и пронзили тьму. В ущелье посветлело, и высоко над собой прямо в скале Илюк увидел куст с маленькими круглыми листьями. Сквозь тёмную зелень просвечивали ягоды — вот оно, Алое Сокровище!

Хорошо, когда есть хобот! Тянется хобот, старается изо всех сил, однако дотянуться до зелёно-розового кустика не может. Слишком высоко растёт куст!

Ещё лучше, когда есть маленький друг! Поднимаешь ухо, хоботом подсаживаешь маленького ненаглядного друга повыше на скалу, он бежит по стене вверх... и вот он уже возле куста.

Глядите, бежит обратно! Мордочка у него стала круглой, как надутый шар. Значит, то, за чем они шли три дня и три ночи, уже в надёжном месте, в защёчном мешке.

Илюк схватил насквозь промокшего суслика и спрятал под ухо. Надо торопиться!

— Что бы ни случилось, нельзя терять сознания! — ещё раз подбодрил себя Илюк и во второй раз бросился в бешеный поток.

Прошло много времени, звёзды уже сменили свои места. Маленькая звезда, словно искала кого-то, опустилась совсем низко.

Наконец Илюк выкарабкался на берег. Встал. Глаза его были закрыты. Он шатался, казалось, вот-вот рухнет.

— Ты что? На качелях качаешься?! — заверещало неугомонное ухо. Оно не хотело больше висеть, словно вывешенное на просушку. Ухо зашевелилось, приподнялось, и оттуда выполз Острый Зуб. И сам на себя рассердился: «Ну что за голова! Твой друг еле стоит на ногах, не в силах даже открыть глаза, а ты о каких-то качелях подумал!» — Илюк! — позвал Острый Зуб. — Илюк! Илюк! Открой глаза!

— Млад-ший! — прошептал Илюк и, шатаясь, тронулся в обратный путь.

— Слон и суслик вернулись!..

— Ах, они опоздали!

— Немного бы пораньше!..

— А сами-то! Страшно глядеть... В ранах, в ссадинах! Видно, целебными ягодами придётся лечиться им самим!

Орлы, сидевшие вокруг умирающего, расступились. Распластав одно крыло, а другое прижав к себе, лежал Младший.

Илюк поднял хобот, и раздался мощный рёв. Так кричат индийские слоны, когда приходит беда и отвести эту беду нельзя ничем. Потом Илюк от горя стал колотить хоботом по земле. Задрожала земля, затрясся Острый Зуб на спине Илюка. Алые ягоды выкатились из его лап и упали прямо на Младшего.

И все увидели, как орлёнок медленно открыл глаза...

От радости Острый Зуб засвистел, спрыгнул на землю и обошёл вокруг Илюка.

Вдруг он застыл с открытым ртом и в ужасе уставил-

ся на орлов. Дрожащими лапками он вцепился в кончик Илюкова хобота:

— И-и... Илюк... Я... я... Орлы — наши исконные враги. Знаешь, они нас на лету хватают... П-п-пропал! П-п-погиб!

Но Старший Орёл склонил перед ним голову:

— До тех пор, пока орлы не разучатся летать, для нас не будет родных дорожек тебя и слонёнка! И пусть отныне весь твой славный род Откуси-с-первого-раза не боится никакой птицы: ни орлов, ни соколов, ни кречета, ни даже ночных охотников — филина и неясыти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой грызут, поют
и ногами подписывают письмо

Бывает же так: целый день, с утра до самого вечера, — и весь счастливый!

Таким и был для Илюка этот день. Утром он стоял у подножия горы, смотрел в небо и ему хотелось петь: Младший летал! Взлетит — и медленно кружит. Илюк может считать, покуда не собьётся со счёта, а Младший парит, даже крылом не шевельнёт. Потом зайдёт против ветра, поднимется ещё выше — и вдруг сложит крылья и косо падает вниз. Опустит Илюк взгляд на ближние холмы — и тоже хочется петь. Там живёт род Откуси-с-первого-раза, туда побежал Острый Зуб — проститься с дядей и дать наказы родичам, как тем жить в его отсутствие...

Наказы его слышны отсюда.

— Сони! Неисправимые сони! — кричит Острый Зуб. — Небось не успею я отъехать, как вы снова завалитесь

спать? А я тороплюсь в Чувашию! Меня ждут! Спите, спите, сони! Вы только во сне и можете увидеть Чувашию и Хеведусь!

И Острый Зуб запел:

Появился новый друг,
Стало вдвое больше рук,
Стало вдвое больше ног.
Я теперь не одинок!

Стало вдвое больше нас,
Стало вдвое больше глаз,
Стало вдвое всё видней,
Сам я втрое стал сильней.

Воспою я подвиг наш!
Дам себе я прозвище:
С этих пор я — Грозный Страж
Алого Сокровища!¹

С этой песней он уселся верхом на Илюка.

Проводы вышли торжественные. На земле их провожала толпа сусликов, в небе — стая орлов. Илюк помахал орлам хоботом. Острый Зуб обежал всех родичей и всем пожал лапы.

...Они уходили всё дальше и дальше, но ещё долго в небе стояла чёрная точка — это Младший провожал их.

В полдень перед ними показалось селение — кишлák. Во дворе крайнего дома лаяла собака, лязгала железная цепь. Им нужно было совсем в другую сторону, но Илюк повернул к дому.

На воротах было написано:

«Стой! Во дворе — злая собака! Она разорвёт тебя на сорок частей!»

Илюк прочитал громко, чтобы и Острый Зуб узнал, что здесь написано. Потом внимательно посмотрел на собаку, которая со свирепым лаем рвалась на цепи.

Острый Зуб с опаской глянул вниз. Собаки — ужасные существа, они любят обнюхивать сусликовые норки и раз-

¹ Песни Острого Зуба перевёл на русский язык Юрий Кушак.

гребать их! Вдруг что-то большое, серое бросилось прямо на суслика. Острый Зуб даже не успел позвать на помощь своего дядю. «Ай, набросился! Ай, душит!» — пискнул он. Оставалось только в последний раз взглянуть на белый свет и попрощаться с ним. Острый Зуб открыл глаза — и чуть не лопнул от досады на самого себя. Он, Доблестный Племянник и Грозный Страж Алого Сокровища, сидит на слоне, высоко-высоко, далеко-далеко от собаки! А большое, серое — это просто Илюково ухо! Острый Зуб зевнул, потянулся, легонько пригладил свой лоснящийся мех и уселся, выпятив грудь.

— Что, что, что с вами? — растерянно затыкала собаку. — Вы, вы, вы что? Вы что, слепые? А-а, вы, наверное, неграмотные! Вот тут всё написано! Я — злая-презлая собака! Мимо меня положено мчаться во весь опор и без оглядки!

Илюк молча смотрел на собаку и что-то обдумывал. Тогда собака принялась за Острога Зуба:

— Ты что, суслик? Ведь суслики, стоит им увидеть собаку, с писком бросаются в бегство! Ты почему не пишишь? Почему не бежишь?

Острый Зуб ещё раз оглядел себя, встряхнулся, пригладил мех и лишь потом с жалостью посмотрел на собаку:

— Ты, дорогой друг, болен, да? Я слышал, есть такая страшная болезнь, когда всё видится наоборот! Ты всё перепутала: не суслики от собак, а собаки от сусликов бегут без оглядки во весь опор, визжат и молят о пощаде! А сцапает суслик собаку — как та жалобно скулит, бедняжка! Я всё понял! Ты увидела меня — и от ужаса сошла с ума! Вот беда! Что же делать? Не бойся! Вижу, у тебя от страха подкашиваются ноги. Наверное, думаешь: «Ай, набросился! Ай, душит!» Успокойся! Я совсем не одобряю своих могучих родичей, когда они травят собак. Это несправедливо, нельзя обижать маленьких и слабых!

Собака медленно опустила на задние лапы и ошалево огляделась по сторонам.

— Ты совсем не злая собака! — сказал Илюк. — Злая

собака сразу кидается на прохожего и не спрашивает, грамотный он или нет. Нет, ты не злая собака.

— Ты, ты... откуда знаешь? — спросила собака. — Я была знаменитой пастушеской собакой...

Илюк ещё раз внимательно посмотрел на неё.

— Я что-то не пойму тебя, — сказал он. — Глаза у тебя круглые и ясные — всякому понятно, что они видят насквозь! Ноги у тебя длинные и сильные! Уши твои стоят торчком! Хвост твой как новый веник. Такому хвосту позавидует каждый! Значит, ты и СЕЙЧАС знаменитая пастушеская собака! Но что ты делаешь со словами? Как ты с ними обращаешься? Перед бодрыми и надёжными словами «пастушеская собака» ставишь «была» — и великие слова становятся пустыми и печальными.

Тут собака совсем сникла: уши опустились, глаза потускнели, хвост повис...

— Горе моё большое... — начала она свой рассказ. — Уже месяц, как я здесь, в неволе... До этого я была... я ЕСТЬ знаменитая пастушеская собака! Хозяин мой — Чабан, он называл меня Сестрой. Я любила Чабана, его

семью и детишек, я любила стадо, которое мы с ним пасли. Он часто говорил: «Не я стадо пасу, а Сестра». Но однажды, тёмной ночью, на меня напали, связали и затолкали в мешок. Человек с горящим взглядом и косою бородой привёз меня сюда. Три дня не давал он мне ни капли воды, ни крошки еды, хотел, чтобы я ползала перед ним. Потом бил и приговаривал: «Тайком, Тайком! Вот какая у тебя будет кличка! Учись нападать тайком: подползи и бросайся! Мы с тобой будем самыми удачливыми охотниками!» Но я не хочу такой клички. У меня есть имя, я — В-один-миг.

Илюк повернулся к Острому Зубу, вскинул хобот и топнул ногой:

— Острый Зуб! Для чего созданы твои острые зубы?

— Чтобы грызть дыни! — Острый Зуб кивнул на бахчу, откуда шёл дразнящий запах дынь.

Ещё выше взлетел хобот, ещё сильнее топнула нога:

— Острый Зуб! Что должны делать твои зубы?!

— Должны... кусать, пилить, грызть!

— Что грызть?

— Ды... Мои острые зубы должны разгрызть-раскусить-разорвать цепь, которая заковала-затянула-задушила бедную собаку В-один-миг.

Острый Зуб прыгнул собаке на шею и впился в железный ошейник. И тут словно заработали сразу десять острых пил — такой поднялся звон-скрип-скрежет. Поначалу суслик и сам удивился, что его зубы перегрызают железо, но тут же понял: это алые ягоды дали необычайную крепость и силу его зубам! Ведь он держал ягоды во рту, в защёчном мешке!

Через минуту цепь звякнула о землю. Не успели Илюк с Острым Зубом и глазом моргнуть, как В-один-миг исполнила десять или двенадцать дел: не то семь, не то восемь раз лизнула Илюка и Острога Зуба, покаталась по траве, потёрлась о ногу Илюка, хотела потереться и о ногу Грозного Стража, но тот поджал ногу и важно отошёл в сторону.

— Пожалуйста, остановись! — сказал Илюк. — Остановись, перестань кувыркаться! В-один-миг, ты сказала, что знаешь Чабана?

— Он — мой хозяин!

— А Завитка ты знаешь?

— Ах, Завиток! Он всегда убежал от стада, хотел, чтоб я его искала и приводила обратно!

— Так слушай!..

Оказывается, В-один-миг умеет не только рычать, кидаться на ограду и кататься по траве, она может и замереть, словно камень.

— ...Чабан и Завиток ждут тебя каждый день, ищут тебя, — закончил свой рассказ Илюк.

Потом В-один-миг показала, как она бегала, когда пасла стадо. Она стремительно сорвалась с места, её тень на земле шевельнуться не успела, как В-один-миг обежала вокруг неё. И уже после этого она по доброму местному обычаю пригласила их в гости.

И все трое праздничным шагом отправились на бахчу.

Вскоре с бахчи послышалась песня:

Мог погибнуть молодым,

Не отведав этих дынь.
А теперь залез в бахчу,
Съем их сколько захочу.
Даже спорить здесь не нужно,
Слаще дыни — только дружба!

Потом Острый Зуб спел ещё раз, а слова про дружбу спели втроём несколько раз подряд.

— Нет, я теперь до самых Чебоксар не захочу есть, — сказал Илюк, подкатывая к себе тридцать четвёртую дыню.

— Эти дыни называются хандаляк, — сказал Острый Зуб. — Хотя они поспевают рано, много нужно пролить пота, чтобы уже весной вырастить такие сладкие дыни.

Илюк сказал собаке:

— Найди какую-нибудь доску и краски! Мы не воры и не беглецы, чтобы уходить тайком. Оставим письмо.

В-один-миг сняла с петель и притащила калитку. Нашлась банка с краской и кисть.

Илюк, потирая в особенно затруднительных случаях концом хобота лоб, написал письмо под диктовку собаки.

Острый Зуб только вздыхал и ёрзал, а потом принялся успокаивать себя: «Ничего, Острый Зуб! Ничего! Мы с тобой не мастера писать, но зато мы умеем читать! Читаем письма на листьях, следы на песке, знаем все буквы травы, все знаки цветов, всю книгу злаков!»

— Готово! — сказал Илюк. — А теперь подпишись!

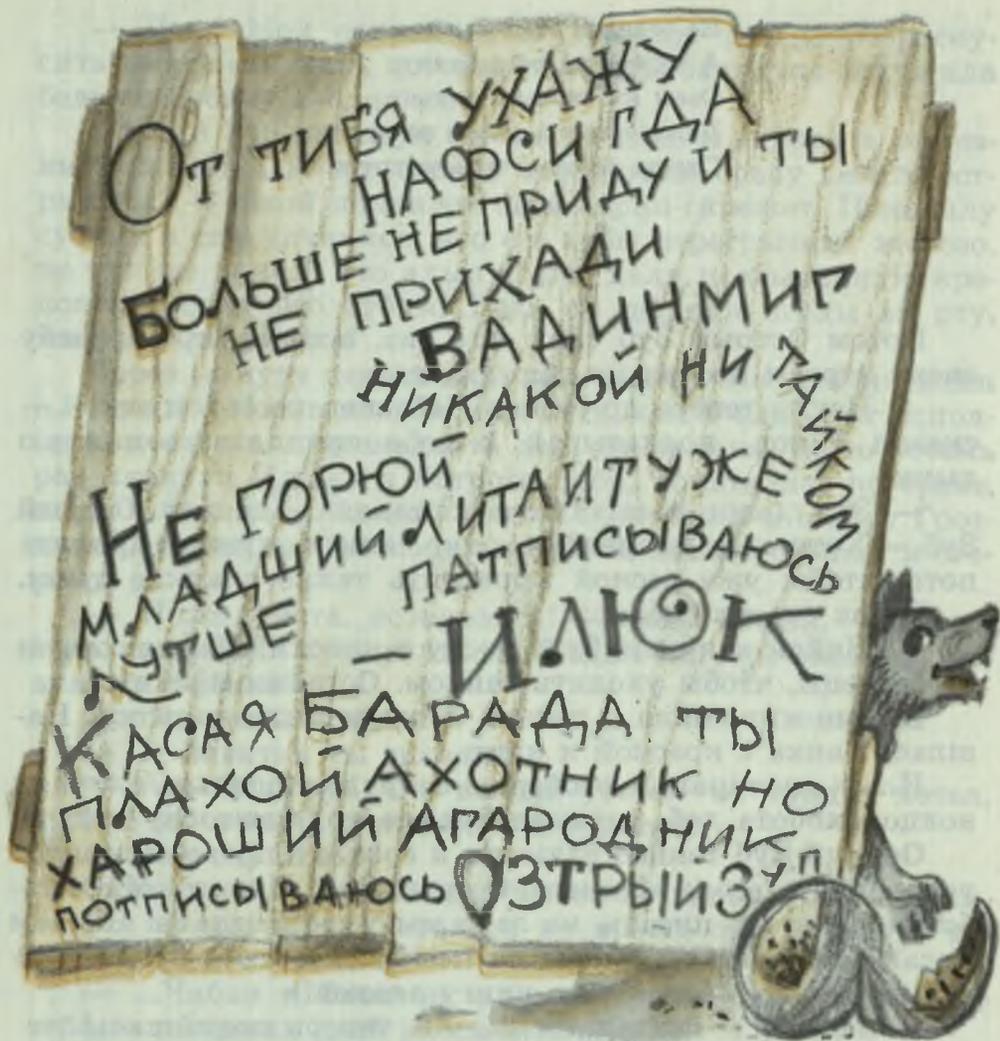
В-один-миг макнула лапу в краску и приложила к калитке.

Друзья отступили на несколько шагов и полюбовались письмом.

— Мне тоже надо кое о чем сообщить Косой Бороде! — сказал Илюк и снова принялся за письмо.

— Оставь место для меня! — предупредил Острый Зуб.

Потом Илюк писал под диктовку Острого Зуба:

От такого письма не хотелось уходить. Только Острый Зуб был недоволен, всё ворчал:

— Какие у некоторых несуразно большие ноги! Начнут подписываться, раз — и на всю калитку! Из-за них другим приходится писать короче...

Потом они читали-перечитывали письмо, пели-распева-ли песни, ели-хвалили дыни.

Когда стало прохладней, они вышли в путь. Подумать только, счастливый день всё ещё не кончился!

В-один-миг на прощание облизала двух своих спаси-телей, выслушала много-много приветов Чабану, Завитку, Старой Овце и всей отаре и понеслась к далёким горам. Илюк, который уже понял, что в долгом путешествии от прыжков и кувыркания пользы мало, зашагал ровным шагом. А Острый Зуб был уверен, что приятная беседа и радостная песня всегда кстати: и днём, и ночью, и в нача-ле пути, и в конце. И, сидя верхом на слоне, он говорил, и пел, и плясал...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

которая доказывает, что в Стране Большого Канала приходится спешить, хотя и говорят:

«Поспешись — людей насмешишь!»

К Нобáду Илюк и Острый Зуб тут же прониклись уважением. Ведь это он сразу нашёл потерявшуюся страну!

Вот как это случилось.

Путешественники уже целую неделю искали Туркме-нию. Им сказали: чтобы попасть в Туркмению, надо идти вдоль реки Амударьё. По её левому берегу тянется не-обозримая пустыня Каракумы, а Каракумы — это уже Туркмения. Илюк и Острый Зуб шли левым берегом Амударьё, вокруг простиралась необозримая пустыня, но Туркмении как нет, так и не было. Путешественники спрашивали встречных:

— Это какая страна?

— Страна Большого Канала! — отвечали им.

А старый гордый верблюд сказал:

— Страна Самого Большого Канала!

Не сговорились же они! Да и сами путешественники видели этот канал! Широкий, голубой, он прорезал океан жёлтого песка. Илюк смотрел на канал и думал: «Может, это и есть та самая живая вода?»

Идёшь-идёшь по пустыне, смотришь-смотришь — и никакого человеческого жилья, один песок. И вдруг — канал! И по обеим его сторонам стоят белокаменные дома, спускаются к воде стада, из прибрежных камышей взлетают утки. Иначе и не назовёшь эту землю, как Страной Большого Канала!

Но где же Туркмения?

Порой Илюк и Острый Зуб останавливались и спрашивали:

— Это Амударья?

И сами же отвечали:

— Амударья.

— Левая сторона — вот эта? — поднимал левую ногу Илюк.

— Эта! — отвечал Острый Зуб и тоже поднимал лапку.

— Слева пустыня лежит?

— Лежит!

— Каракумы называется?

— Называется!

— Так какая это страна? — спрашивали они у кого-нибудь, кто шёл мимо.

— Страна Большого Канала!

Но однажды утром знаменитый Путеводный хлопнул лапкой по лбу и заявил, что хватит, всё ясно: дело — в Амударье. Она очень торопливая река — вон какая бурная, мутная, — и впопыхах она перепутала берега, как маленькие дети путают башмаки. Так что левый берег у неё — вместо правого, а правый — вместо левого. Надо переплыть на другой берег и спросить там.

Илюк уже хотел броситься в воду, но какой-то вкусный запах остановил его. Оказывается, один мальчик ухитрился делать три приятных дела сразу: бежать, свистеть и есть горячий чурек¹.

Увидев слона, мальчик остановился как вкопанный. Потом подбежал, сунул Илюку чурек и обнял за хобот. Так они познакомились с Нобадом. Узнав, для чего Илюк собирается переплыть Амударью, Нобад сказал:

¹ Чурек — лепёшка.

— Всё на месте! Вот она, Туркмения! — и, широко раскинув руки, показал на левую сторону Амударьи, на необозримые Каракумы.

— Это Страна Большого Канала! — не согласились с ним путешественники.

— Туркмения и есть Страна Большого Канала! Вы же видели Каракумский канал — самый-самый большой канал на свете!

Они поделили тёплый чурек на три части, сели рядком и стали есть. Такая большая забота (целая страна!) спала с плеч! Можно поесть в своё удовольствие.

Вечером того же дня Илюк и Острый Зуб стояли в тени сада и ждали уважаемого друга Нобада. Илюк и Нобад решили выяснить, кто из них быстрее переплывёт канал. Острый Зуб согласился быть судьёй.

Кажется, в ауле творилось неладное. Сначала донёсся какой-то шум, потом слышались крики, и мимо двух путешественников прошла шумная, сердитая толпа.

«Куда идут эти люди?» — удивился Илюк.

Толпа свернула к дому Нобада.

Весь этот переполох поднялся из-за Нобада. Вернее, из-за того, что он такой торопыга.

Нобад — хороший ученик. Но сегодня утром (это было ещё до встречи с Илюком и Острым Зубом) он совершен-

но не слушал урока. Весь класс искал окончание в слове «огурец», а Нобад смотрел на доску, и перед глазами его стоял богатырь из прочитанной вчера книги. С виду этот богатырь — обыкновенный человек с чёрной бородой. Так и в книжке нарисовано. Но какие он совершал подвиги! Кого только не защитил и не спас! Победил всех злодеев, обошёл весь свет и живой-невредимый пришёл домой. Но книжка, как и все интересные книги, оказалась очень маленькой. И Нобад в своих мечтах отправил богатыря в новое путешествие. Но с чернобородым случилась беда: коварные враги заманили его и заперли в каменный подвал. Как же спасти его?

«Когда я вырасту, я отращу такую же бороду! — думал Нобад. — А какая красивая борода у моего дедушки! И у меня будет борода! Я пойду и освобожу богатыря! Эх, скорее бы выросла борода! Покуда не вырастет, никто меня не отпустит!» — И он со вздохом пощупал подбородок.

Тут к нему подошёл учитель Каюм Мурадович:

— Нобад, все уже пишут сочинение на тему «Мой друг», а у тебя ни строчки!

Нобад очнулся, схватил ручку и торопливо написал:

«МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ — ДЕДУШКА! ОН САМЫЙ СИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ НА СВЕТЕ! НО ЕГО ПОСАДИЛИ В КАМЕННЫЙ ПОДВАЛ! СПАСТИ ЕГО МОЖЕТ ТОЛЬКО МОЯ БОРОДА!»

После уроков учитель проверял тетради. Дошла очередь до тетради Нобада, он прочитал два первых предложения и улыбнулся. Чистая правда! Дашгын-ага, дедушка Нобада, самый сильный богатырь на свете, ведь он когда-то остановил могучую пустыню!

Случилось это, когда Каюм Мурадович был ещё ребёнком. Страшные барханы надвигались на их аул. Собрались почтенные старики аула и решили: нужно уходить с этих мест. Но встал Дашгын-ага (тогда он был совсем молод, с чёрной бородой!) и сказал дерзко: «Почтенные аксакалы!¹ Почему мы всё время убегаем от барханов,

¹ Аксакал (буквально: белая борода) — мудрый, уважаемый старец.

почему страшимся суховеев? Пусть барханы от нас убегают, пусть суховой страшится нас!» Многим тогда эти слова показались смешными. Действительно, как не убежать от барханов, если они как горы? Если эти раскалённые горы двигаются? Если они засыпают дома и пастбища?..

Но слова Дашгын-ага не были пустой похвальбой. Он начал бой с жестокими барханами. И победил. Иногда победа бывает быстрой и лёгкой. Здесь же борьба шла тяжёлая и долгая. Но тем славней была победа Дашгын-ага.

«Молодец Нобад! — подумал Каюм Мурадович. — Правильно пишет!» Но когда он прочитал два следующих предложения, его очки так и подпрыгнули! Придержав их обеими руками, учитель ещё раз перечитал торопливые строчки.

Что это?!

Учитель вспомнил, какое лицо было утром у Нобада, как сердито смотрел он на слово «огурец», написанное на доске. «А я-то удивился, почему Нобад с такой яростью смотрит на безобидный огурец? — пробормотал Каюм Мурадович. — Оказывается, он думал, как спасти дедушку!»

НО ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ДАШГЫН-АГА?

С тетрадкой в руках Каюм Мурадович выбежал на улицу. Сады, деревья, стоящие вдоль дороги, пастбище, которое начиналось сразу в конце улицы, — всё здесь напоминало о Дашгын-ага. Всё это выросло благодаря тому, что он отстоял эту землю. И пастбище не простое. Там растут травы, которые вместе с Дашгын-ага сражались с коварными барханами. Песок течёт, как вода, и жжёт, как угли. И остановить их могут только мужественные люди и смелая трава!

Одна из этих трав — селин.

Селин появляется ранней весной, как только пройдут первые дожди. Отважен маленький селин! Вот поднялся ветер и засыпал маленький куст, лишь верхние листочки торчат из песка. Но селин не сдался — выпустил корни наверху. И вот уже над песком торчат новые листья и стебли! Тогда ветер решил сделать по-другому, он выдул песок и обнажил корни селина. Солнце палит, вот сейчас высушит оно оголённые корни — и погибнет селин! Но се-

лин предусмотрел и это — он спрятал свои корни в «чехол»! Связал песчинки корневыми волосками, скрепил их солью, и получился надежный «чехол». И семена селина тоже борются! Нельзя, чтоб их засыпал песок. Тогда они погибнут, и исчезнет славный род селина. Вот почему у семян пушистые остья. Остья изгибаются дугой, и семена катятся и прыгают по песку. Попробуй догони!

Вцепился селин в бархан и растёт. Хоть немного, но задержит возле себя песок. Остановился песок — появляются джужгун и песчаная акация. И тоже вступают в схватку! Чем сильнее нападает песок, тем быстрее растут ветви джужгуна. И если в этой жестокой битве погибнет главный корень — выручат другие, они тоже, как и у селина, вырастут выше на стволе.

Наверное, песок и сам побаивается селина. Бывает, медленно пересыпается он под ветерком, и Старшая песчинка говорит Младшей:

— Послушай моего совета, не гонись ты за семенами селина. Толку никакого, всё равно не поймаешь!

Младшая песчинка:

— Я загорожу им дорогу!

Старшая:

— Ничего не выйдет! Поверь мне, я-то хорошо знаю, какво гоняться за ними! Тс-с-с! К семенам джужгуна тоже близко не подходи! Видишь, они как шарики, катятся, подпрыгивают, обгоняют нас. Их никогда не засыпешь!

Младшая:

— Тогда поймаю семя акации, оно не круглое и не может катиться!

Старшая:

— Да оно ещё хитрей! Ты что, не видишь, оно точь-в-точь как пропеллер! Только зашуршит ветер, только мы тронемся с места, оно сразу взлетает в воздух и кружится там без усталости, настоящий вертолёт!

Там, где на песках растут селин, джужгун и песчаная акация, скоро появляется саксаул. А следом — песчаная осока, которую туркмены называют илак. А поднялся илак — значит, пески остановились, заросли травой! И хо-

дят по холмам отары овец. Глаза у овец сияют, а блестящая шерсть закручивается так затейливо, что невольно скажешь: куст чёрных роз!

Каюм Мурадович остановился возле дремавшего в тени дувала¹ старика и показал ему, что написал в своей тетради Нобад. Старик вскочил и, как быстроногий юноша, побежал за учителем.

Потом к ним присоединился сосед, потом ещё и ещё...

Увидев толпу, Илюк с Острым Зубом не на шутку встревожились. Толпа ворвалась во двор, где жил Нобад. Стало тихо.

ТАК ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ДАШГЫН-АГА?

Ничего с ним не случилось.

Все увидели высокого старика с белоснежной бородой, с белыми бровями и притихли. Старик сидел в саду в окружении детей и внуков. Здесь же сидел и размечтавшийся Нобад. Он только что придумал, как спасти богатыря! Ведь теперь у Нобада есть два новых друга: один — большой и сильный, любую стену проломит, другой — маленький и юркий, проберётся куда хочешь!

— Дорогие братья и сёстры! Проходите, проходите, будьте гостями! — сказал старший сын Дашгын-ага, отец Нобада.

Толпа разом повернулась к Каюму Мурадовичу, а Каюм Мурадович повернулся к Нобад.

Со двора Дашгын-ага донёсся хохот. Хохот — не так страшно, и Илюк с Острым Зубом немного успокоились. Там снова засмеялись.

А потом к ним прибежал Нобад и рассказал, что случилось. Тогда расхохотались и наши путешественники.

— А что сказал дедушка? — спросил Илюк.

— Дедушка сказал, что, кажется, ученик пошёл в своего учителя. Это ведь хорошо, а люди почему-то опять засмеялись. — Нобад огляделся по сторонам, убедился, что их никто не подслушивает, и зашептал: — Но главное — дедушка сообщил мне секрет, как отрастить хорошую бороду. Он сказал: «Ты о бороде не думай, настанет время —

¹ Дувáл — глинобитная стена, ограда.

она сама вырастет. Но есть одна тайна. Если не знаешь её, хорошей бороды не жди. Тайна такая: борода зависит от ума. И чем умнее человек, тем его борода пышнее и длиннее». А я и не знал!

— А что сделал учитель? — спросил Острый Зуб. — Накричал или, может, поколо...

— Не-ет! Он только сказал: «Видишь, Нобад, нам с тобой никогда не надо спешить! Поспешишь — людей насмешишь!» Я согласился с ним, а вот сейчас бежал сюда и понял, что зря согласился, зря! Иногда надо спешить, и даже обязательно! Знаете, что происходит сейчас в пустыне? Только недавно всё было покрыто травой — негде было ступить, такая густая и вся красная от маков! А теперь? Вся трава от жары завяла-засохла. Но она успела рассеять семена! Почему? Да потому, что она спешила! Мне дедушка всё-всё рассказал! Рано весной в пустыне идут дожди, и травы торопятся вырасти. Если бы не торопились, сказали себе: «Поспешишь — других насмешишь!» — то засохли бы раньше, чем у них созрели семена.

— Смотри-ка! Неужели? Не везёт... — засуелится Острый Зуб. — А мне говорили, что в Чувашии столько сочных трав! Здесь уже трава засыхает. В Чувашии тоже так?

Нобад рассмеялся:

— Что ты! Если у нас лето, то в Чувашии весна только-только начинается! И там не так жарко, поэтому травы не торопятся, растут себе, растут и вянут только осенью!

— В путь, в путь, Илюк! Надо торопиться! Ты слышал, наш друг Нобад сказал: «Молодец, кто спешит!» Так поскачем быстро на Самый Большой Канал, на важное состязание! А завтра вспомним слова учителя: «Поспешишь — людей насмешишь!» И не спеша расспросим дорогу в Чувашию, разузнаем всё и только тогда тронемся в путь!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой выясняется, что иногда,
не только слонёнок, но и человеческое дитя
готово сменить своё имя!

Ай, играют в прятки!

Крохотная девочка руками закрыла глаза, уткнулась в стену, а ноги её быстро-быстро топочут — так им не терпится сорваться с места и бежать искать. Сколько же

косичек у этой девочки! Наверное, пальцы у неё быстрые и умелые. Ленивыми пальцами все косички и за день не заплетёшь.

До пяти считаю —
Искать начинаю!
Раз, два, пять!
Бегу искать!

Какая быстрая считалка у этой девочки — Илюк и Острый Зуб даже спрятаться не успели. И они застыли на месте.

Девочка шла, быстро-быстро смотрела по сторонам и наткнулась на ногу Илюка.

Она остановилась и строгим голосом сделала кому-то серьёзное замечание:

— Сами учат, учат: «Кладите, кладите вещи на место!», а сами выставили столб прямо на дорогу!

Наткнувшись на вторую ногу, она рассердилась:

— Человек торопится, а ты торчишь! — и пнула пяткой.

— Зачем же пяткой-то? Больно! — сказал столб голосом точь-в-точь таким, как у маленьких слонят.

Девочка застыла на месте.

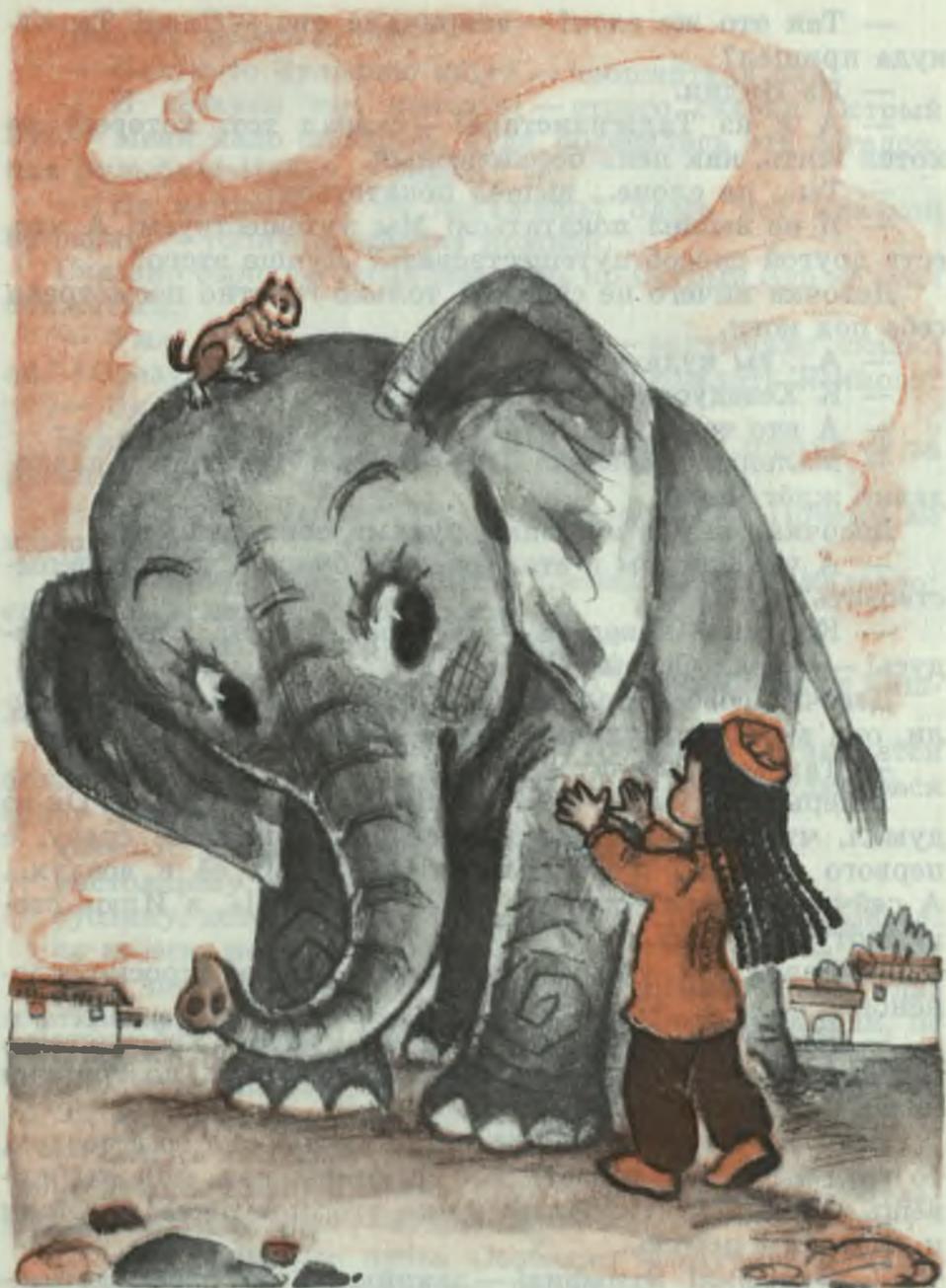
— Ты что выдумываешь? — сказала она. — Столбы не чувствуют боли!

— Разве? — возразил столб. — Каждый столб раньше был деревом. А деревья говорят, шепчутся, бывает — смеются, а в бурю они стонут!

— Деревья! У них листья, вот и шелестят и шепчутся. А у тебя ни листочка. Ты-то как разговаривать научился?

— Подумал-подумал я... — начал столб рассудительно и важно (теперь его голос был похож на голос суслика), — и вот до чего додумался: у людей ведь тоже нет листвы! И всё же они кричат-поют-смеются, а некоторые считают «раз, два, пять!» и бегут искать — а сами без единого даже листика! Что же мне тогда — жить, как пню бессловесному?

Девочка вскинула голову.

The boy is very happy to see the elephant.

— Так это же слон! — закричала она. — Слон! Ты откуда пришёл?

— Из Индии.

— А я из Таджикистана! — сказал тот, который не хотел жить, как пень бессловесный.

— Ты... на слоне... вышел покататься?

— Я не вышел покататься! Мы путешествуем! А что, есть другой способ путешествовать? Лучше этого?

Девочка ничего не сказала, только грустно посмотрела себе под ноги.

— А... вы куда путешествуете?

— К Хеведусь! — сказал Илюк.

— А кто такая Хеведусь?

— Маленькая девочка. Она живёт в Чувашии и давно-давно ждёт меня!

Девочка охнула и обеими руками обняла хобот.

— А что... потом и эта Хеведусь будет с вами путешествовать?

— Конечно! Хеведусь — на слоне, а я на плече Хеведусь! — сказал Острый Зуб.

Девочка совсем приуныла. Но вдруг глаза её вспыхнули, она выпалила удивительные слова:

— Так ведь Хеведусь-то — я!

Теперь уже Илюк стал смотреть себе под ноги. Он-то думал, что когда встретит Хеведусь, узнает её сразу, с первого взгляда, и от радости подбросит её в воздух... А сейчас девочка говорит: «Я — Хеведусь!», а Илюк стоит, потупив глаза...

— Разве мы уже в Чувашии? — тихо спросил слонёнок.

— Не-е-ет... — ответила девочка. — Это Узбекистан... Ах, да! Верно, мы раньше жили в Чувашии, но три дня назад переехали сюда!

Если уж Илюк ради встречи не подбросил её в воздух, то хотя бы из вежливости мог спросить: как, мол, ты живёшь, Хеведусь? Но Илюк даже этого не сказал. Стоял и смотрел в землю...

— Зульфий! Зульфий! — закричали во дворе дети. — Куда ты пропала?

Девочка закусила губу.

— Какую-то Зульфию ищут,— прошептала она.

— И незачем так кричать! — строго сказал Острый Зуб. — Меня надо спросить, куда подевалась эта загадочная Зульфия! Найду — покажу её!

— Не найдёшь и не покажешь! Здесь нет никакой Зульфии! — топнула девочка ножкой.

Сказано было не очень вежливо, но Острый Зуб не стал обижаться.

— Ума не приложу, как быть? — задумчиво сказал он. — Сразу найти эту Зульфию или подождать немного?

— Зульфия! — позвали опять.

Какой-то мальчик подбежал к девочке и дёрнул её за рукав:

— Зульфия! Ты почему не отзываешься? Почему не ищешь нас?

Подбежали ещё пять-шесть детей. Видно, надоело: спрятался, сидишь, а тебя не ищут.

Девочка резко отвернулась от них:

— Здесь нет никакой Зульфии! И во всём нашем кишлаке — ни одной Зульфии!

Когда чему-то удивляешься, то глаза становятся большими. А какими станут глаза, если нужно удивиться сразу трём диковинкам:

девочке, забывшей своё собственное имя;

настоящему слонёнку;

суслику, который сидит верхом на слонёнке и улыбается во всю мордочку?

Дети посмотрели друг на друга и ничего, кроме глаз и открытых ртов, не увидели. Они постояли-постояли, не в силах и слово сказать, и загалдели враз:

— Слон! Настоящий-пренастоящий слон!

— А кто же ты, если не Зульфия?

— Сидит на слоне и зазнался!

— В одной вашей семье — и то две Зульфии! Ты Зульфия, и бабушка твоя — Зульфия!

Девочка стиснула зубы. Особенно возмутил её мальчик, который нашёл сразу две Зульфии.

— Ты, Гафур, прежде чем говорить такое, подумал

бы своей головой! Кто лучше знает, как зовут мою бабушку? Её самая-самая любимая внучка или мальчик с чужой улицы? Зря ты, Гафур, собираешься стать трактористом! Наверное, ты будешь сказочником, выдумывающим всякие небылицы! — Дети рассмеялись, и девочка решительно закончила: — Меня зовут Хеведусь! Всё!

— Видишь, Илюк, как нам повезло! Я тебе говорю, Илюк! — воскликнул Острый Зуб. Не поймёшь этих слов! Сначала они у каждого встречного спрашивают про Чувашию, а когда перед ними стоит девочка, которая только три дня назад приехала оттуда, они уткнув глаза в землю и чертят хоботом какие-то круги в пыли. — Вот эта девочка! Пользуйся случаем, Илюк! Спрашивай, спрашивай! Меня лично интересуют верблюды, живущие в Поволжье!

Мальчик, которому в будущем предстояло стать трактористом и сказочником, уже открыл рот, чтобы крикнуть во весь голос: «В Чувашии нет верблюдов!», но Острый Зуб так посмотрел на него, что Гафур застыл с открытым ртом.

— Да! В Чувашии такие верблюды! Ещё больше и сильней, чем даже наши! — сказала Зульфия-Хеведусь.

— Какие теперь дети пошли! — покачал головой Острый Зуб. — Есть у меня в Туркмении закадычный друг, зовут его Торопыга Нобад. Этот Нобад переписывается с одним чувашским мальчиком. И мальчик в каждом письме: «Эх, когда же я смогу приехать к тебе? Когда же исполнится моя заветная мечта? Когда я увижу верблюда?» Вот привереда! Вы только подумайте! Такие прекрасные в Чувашии верблюды, а он собирается за ними в Туркмению. Да-а... остается только покачать головой!

— Да-а, в Чувашии есть такие мальчики, — покачала головой девочка. — Какие там прекрасные верблюды, а им всё мало!

— Да, да! — поддержали её две девочки. — Все мальчики такие!

— А в Чувашии нет верблюдов! — крикнул наконец сказочник-тракторист.

— Гафур! — отрезала девочка. — Ты что, спишь? Разговор про верблюдов давно закончен. Ты опоздал! Всё, я стала Хеведусь!

— Пускай ты будешь Хеведусь, — согласился карапуз лет двух.

— Пускай! — согласились остальные.

Теперь надо бы и Илюку назвать её Хеведусь, но он почему-то сказал совсем другое:

— Красивая у вас земля!

— Это наш Узбекистан! — ответили дети.

Глаза девочки засияли!

— Уз-бе-кис-тан!.. — прошептала она.

Она вспомнила, как на днях ездила в гости к старшему брату.

Рано утром её разбудил дедушка:

«Я сегодня покажу тебе прекрасный город!»

«Ах, дедушка! — обрадовалась девочка. (Тогда её, как жетса, звали Зульфией.) — Я знаю, какой город ты мне покажешь! Или Бухару́, или Хиву́, или Ташкент, или Самарканд, или...»

«Верно, внука, в Узбекистане много прекрасных го-

родов! Издалека, из разных стран приезжают люди, чтобы только взглянуть на них. А тебе и ехать далеко не надо. Ты пройдёшь по их улицам, посидишь под их фонтанами, увидишь синие и голубые купола старинных дворцов. Но сегодня мы с тобой поедem в другой город. Он совсем новый, но тоже удивительный. Его построили на горячей сковороде!»

«Дедушка, нельзя жить на горячей сковороде! Только коснись, сразу волдырь вскочит!»

«И всё же люди там живут и вовсе не жалуются».

«Значит, сначала они залили огонь под сковородой!»

«Молодец, внученька! Угадала! Именно — залили! Ты, конечно, слышала такое слово: «Каршй». Эта Каршйнская степь была настоящей горячей сковородой! Чтобы остудить «сковороду», люди привели туда воды Амударьи, и она ручьями разошлась по степи. Сегодня мы с тобой поедem в Талимарджан — новый город, поднявшийся в этой пустыне».

По дороге дедушка рассказал ей:

«Внученька, про нашу землю говорят: прекрасный Узбекистан. А ведь у нас было много страшных пустынь. Поэтому я хочу сказать: Узбекистан — земля, которую сделали прекрасной! На склонах гор наш народ выращивает сады и виноградники, а в страшные пустыни приводит могучую волшебницу — Воду. И смотришь: там, где была пустыня, вырастает хлопок! Если несведущий человек посмотрит осенью на узбекскую землю сверху, с самолёта, он может испугаться: «Какое несчастье! Какая беда! Узбекистан, солнечный Узбекистан, Узбекистан с красными яблоками, алыми гранатами, оранжевыми персиками, жёлтыми абрикосами покрыт снегом! Узбекистан под сугробами!» Но зря поднял бы он переполох! Когда созревает хлопок, вся земля — словно под снегом!»

Вспомнила девочка об этом путешествии и подумала с гордостью: «Мой брат живёт в новом городе. Волшебница Вода слушается его!» Вспомнила и воскликнула:

— Мой брат живёт в Талимарджане! Я — узбекская девочка! Я — Зульфия!

Девочка взглянула на Илюка и, словно прощаясь со своей мечтой, на миг стала грустной.

— Знаешь, Илюк, я — узбечка!

— Знаю! — сказал Илюк.

И Зульфия взлетела в воздух.

Поднялся шум-гам. Всех громче кричал Острый Зуб:

— Я так и знал, что Зульфия — здесь!

А дети кричали:

— Она — Зульфия! Она — Зульфия!

— Она — Жульфия! Она — Жульфия! — повторял за ними карапуз лет двух.

— Зульфия! — сказал Илюк. — Там, в Хиндустане, у меня есть сосед, тоже слонёнок. До чего он любопытный! Он даже камни поднимает и заглядывает под них. Такой дотошный — хочет до всего дойти своим умом, увидеть своими глазами, услышать своими ушами, обнюхать своим хоботом. Стоит его позвать, и он тут же прибежит сюда! Вот тогда, Зульфия, ты сядешь на этого слонёнка и отправишься в Чувашию! А мы с Хеведусь выйдем тебя встречать!

— А у него есть хобот? — спросила Зульфия.

— Есть! И хобот, и ноги, и хвост!

— Ног и хвостика не надо, достаточно и хобота!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой одна девочка спорит с тысячью,
и не только спорит, но и побеждает!

Афиша была прибита к телеграфному столбу, стоящему посреди хлопкового поля. Такой удивительной афиши наши два путешественника не видели никогда. По натянутому канату бежит крохотный ёжик, на иголках у него лежит доска. А на доске прямо на голове стоит человек и широко улыбается. Наверху написано: «Цирк!», внизу: «Знаменитый дрессировщик Азамат!»

Илюк прочитал:

— «Цирк! Знаменитый дрессировщик Азамат!»

— А что такое «цирк»? — спросил Острый Зуб.

Илюк недоуменно поднял хобот и опустил — он тоже не знал. Из четырёх слов он понял одно — «знаменитый».

Но в городе, который начинался сразу за хлопковым полем и куда шли наши путешественники, у всей детворы сейчас на языке были только эти слова: «цирк», «Азамат», «дрессировщик», «знаменитый».

Хорошо, что в город время от времени приезжает цирк! Полезно необычайно! Детей просто не узнать! Только родители скажут: «Смотри, вот не возъм тебя в цирк!» — и самые отъявленные лодыри начинают канючить: «Быстрее дайте мне работу! Найдите же хоть какую-нибудь работу!» Сорванцы, которые с утра до ночи носились по улице, стали домоседами. Пообещай им билет в цирк — и силком на улицу не выгонишь. А самые послушные стали своенравными, говорят дерзко, с блеском в глазах: «Я всё равно пойду в цирк!»

Три мысли не давали детям покоя в эти дни.

Первая: «Эх, один раз я уже был в цирке — попасть бы во второй!»

Вторая: «Эх, два раза я уже побывал — вот бы в третий!»

Третья: «Эх, есть люди, которые целых три раза видели это представление, а мне бы взглянуть хоть разок!»

Выходит, про цирк знали все, кроме Илюка и Острого Зуба. И потому люди, работавшие в поле, увидев слонёнка, закричали:

— Смотрите, слон! Из цирка убежал!

— Наверное, это слон Азамата!

— Поймаем и отвезём в цирк!

Острый Зуб, увидев, что к ним идёт толпа, тут же юркнул под «лопух». Толпа ласковым голосом стала подзывать к себе слонёнка. Илюк знал: у людей два разных голоса. Если слоны растопчут поле или огород, люди кричат громко и сердито. Когда же люди хотят угостить слона чем-нибудь вкусненьким или помочь ему (как, например, Чабан!), голос у них тихий и ласковый. И хотя сейчас в ухе запищало: «Илюк, бежать! Надо бежать!», Илюк даже собственного уха не послушался — спокойно зашагал навстречу людям. И тут же его переднюю левую

ногу захлестнул аркан, второй аркан захлестнул заднюю правую ногу — да так ловко, можно подумать, что эти люди всю жизнь только и делали, что ловили слонов. Илюк мотал головой, ушами, хоботом, бросался вперёд, назад — и безуспешно.

Подъехал грузовик. Притащили толстые доски, одним концом положили на землю, а другим — на край кузова, и несколько человек по ним затащили Илюка в грузовик. Машина тронулась. Ноги слонёнка разъехались. Он бы упал, но верёвки, которыми его привязали к бортам, удержали его. Илюк хотел разъяснить людям их ошибку, он без конца повторял одно и то же: «Я не трогал ваших полей и огородов! Даже хлопковой коробочки не сорвал!» За что поймали, куда его везут, что он сделал плохого?!

Грузовик въехал в парк и остановился около высокого шатра. Люди закричали: «Азамат!» Из шатра выбежал человек с чёрными торчащими, как пики, длинными усами. Человек обрадовался и от радости так хлопнул себя по лбу, что упал на землю. Но тут же вскочил, обежал вокруг слонёнка и закричал:

— Слон! Сбылась моя мечта! У меня есть слон!

Конечно, каменные заборы тоже нужны. Но не тогда, когда ты отправился в далёкое путешествие и когда над головой мерцают две тысячи и двадцатьшестьнадцать звёзд (и ещё одна звёздочка, по которой путешественники находят дорогу!), когда дует лёгкий ветерок и прилетевшие издалека запахи моря, пустынь, степей, созревающих хлебов кружат голову, зовут в путь.

Всю ночь один из друзей грыз холодный камень, а другой толкал забор, навалившись на него всем телом.

— Так у нас ничего не выйдет,— сказал наконец Илюк.— Острый Зуб, этот забор может повалить только твой дядя. Видишь маленькую дырочку? Пролезь в неё и сбегай за своим дядей!

Острый Зуб вздрогнул.

— Подожди-ка! — забормотал он.— Сейчас. Действительно. Да-да. Без сомнения. Ещё бы. Как-никак. Разумеется... Да, конечно, нет на свете никого сильнее моего

дяди! Этот забор для него — тьфу, а не забор! Щепка, валяющаяся под ногами! Но что поделаешь, и у такого славного силача есть недостаток: коли заснёт — никакими силами его не добудишься! Боюсь, раньше осени его не разбудить... Нельзя терять ни минуты, не будем надеяться на дядю, придётся спасение искать самим!..

Но тут во двор вбежал Азамат. Острый Зуб бросился спасаться под ухом — его-то, к счастью, и искать не надо.

Видно, что Азамат — человек смелый и весёлый. Взгляд прямой, походка стремительная, улыбка ясная.

— Как поживает мой слон? — весело спросил Азамат.

Илюк огляделся по сторонам.

— Я не видел твоего слона, — ответил он хмуро. — Тут, кроме меня, другого слона нет.

Азамат рассмеялся:

— Я из тебя сделаю циркового слона, дам тебе потрясающее имя! Например: «Ну-и-ну!» или «Вот это да!»

— У меня есть имя. Меня зовут Илюк.

— Илюк, ты можешь стать великим циркачом!

— Ай!.. — вдруг взвизгнул и подпрыгнул Илюк. — Ай-йя! В ухе стреляет! Кусается...

— Гм, кажется, твои уши нездоровы. Я ещё вчера заметил. Правое ухо нормальное, а вот левое... Дрожит, бугрится, пищит, бурчит. А сейчас вроде даже крикнуло с завистью: «Пусть мне, пусть мне будут эти два имени! Я на оба согласен!» Говорящее ухо — подумать только!

— А что тут странного? — гулко спросило левое ухо. — Если уж рот научился разговаривать, так почему уши должны молчать? Уши — это серьёзнее, чем рот. Их сразу два. Два больших весёлых близнеца. А что такое рот? Да просто бедный сирота!

Азамат разинул рот, глаза его чуть не выпрыгнули на лоб, а усы закрутились в пружину.

— А... а... — сказал он, — а... а... а разве так бывает? С ума сойти! Это же готовая программа! Ах, какая программа! — Тут он хлопнул себя по лбу, но не упал, Илюк успел подхватить его хоботом. — Нет, если я упущу такого слона, то буду набитый дурак.

— А может, наоборот? Может, ты будешь самый

мудрый на свете циркач, если отпустишь нас? Мой совет: подумай хорошенько! — сказало ухо. — Эй, рот, вот перед тобой человек, который только сегодня узнал, что уши умеют и слушать, и говорить, и дать полезный совет. Наверное, он и про Хеведусь ничего не слышал. Расскажи-ка ему!

Что и говорить, циркачи — народ крепкий! Хотя Азамат всё ещё был оглушён этим чудом, он внимательно выслушал Илюка и даже что-то понял.

— Не волнуйся, Илюк! — сказал Азамат, когда Илюк закончил свой рассказ. — Я хорошо знаю ребяткишек. Они народ такой — поплачут-поплачут и забудут. И Хеведусь давным-давно перестала плакать, забыла про Илюка!

— Никогда, никогда больше не говори этого! — с жаром воскликнул Илюк. — Однажды я сказал так — ну и рассердилась же Ласточка, как она ругала меня! Смотри, узнает Ласточка, и тебе достанется! Нет! Хеведусь ничего не забыла! Она ждёт! Мне надо идти! Открой ворота!

Азамат очень огорчился. У него даже усы раскрутились и повисли до колен. Уж очень не хотелось отпус-

кать Илюка! Как же уговорить его, чтоб остался? Вдруг усы Азамата взметнулись и снова скрутились в тугую пружину. «Але-гоп! — воскликнул про себя неунывающий циркач. — Придумал! Этот слонёнок вышел в далёкий путь ради одной-единственной девочки. А если его попросят тысяча детей? Если они скажут: «Илюк, будь цирковым слонем! Мы просим, мы очень-очень просим тебя!» Я поведу его в цирк! Пусть увидит, как дети любят цирк, как они хлопают. Каждому номеру! Он сам взмолится: «Я тоже хочу выступать в цирке! Пожалуйста, умоляю, возьмите меня в цирковые артисты!»

Днём Азамат привёл Илюка в цирк и спрятал под высокой ложей, в которой расположился оркестр. Сквозь щели в занавеске Илюк мог увидеть всё, что делалось на арене.

Оказывается, этот цирк — удивительная штука!

Вот вышел человек, весь в чёрном, снял свою блестящую чёрную шляпу. Шляпа была пуста. Но только он хотел надеть её, там оказался красный, как огонь, петушок. Тряхнул шляпой — и нет петушка!

А под куполом, словно ласточки, летали сверкающие люди. Сорвутся вдруг, летят до земли — и снова взмывают вверх. У Илюка дух захватило: вдруг упадут!

Потом вышел смешной человек, одна щека у него была красная, другая — синяя. Он хотел что-то сказать, но только разинул рот — оттуда вышло яичко, ещё разинул — ещё яичко, ещё разинул — ещё яичко. Так набралась огромная корзина яиц. Человек хотел уйти с корзиной, но не смог даже сдвинуть её с места. Тогда этот Разнощёкий быстро проглотил одно за другим все яички и с пустой корзиной пошёл домой.

Но больше всего Илюку понравилось выступление самого Азамата. Он выехал, стоя на ухе медведя. Медведь катил на велосипеде. Азамат спрыгнул прямо на колесо, медведь всё быстрее и быстрее нажимал на педали, велосипед мчался по кругу, а Азамат бежал по крутящемуся колесу. Он потрянул ногами, из одного башмака выскочил ёжик, из другого — белка. Азамат подбросил ёжика вверх, тот зацепился за натянутый под куполом канат, встал и

забегал по нему туда-сюда. Азамат подбросил доску, и она опустилась ёжику на спину, прямо на торчащие иголки. «Але-гоп!» — крикнул Азамат и одной рукой подкинул медведя в воздух. Тот шлёпнулся прямо на доску, через секунду на плече медведя оказался и сам Азамат. А ёжик бегал и бегал туда-сюда по канату.

Когда три артиста, живые и невредимые, спустились на середину арены, поднялась буря: зрители топали ногами, хлопали в ладоши.

— У кого есть скакалка? — крикнул Азамат.

В первом ряду сидела девочка в белом фартуке. Карман фартука топорщился так, словно девочка засунула туда сразу два бублика. Но достала она оттуда не бублик, а скакалку. Азамат кинул скакалку белочке. Верёвка замелькала в воздухе так быстро, что исчезла из глаз. Дети вскочили с мест и хором начали считать, сколько же раз прыгнет белка. И хотя считали хором, у одних получилось 127 раз, а у других — 191. Поднялся горячий спор.

Оркестр заиграл туш. Азамат раскланялся и собрался уходить.

Раздались недовольные крики:

— Азамат, а где слон?

— Почему ты не показал своего слона?

— А когда будет выступать слон?

— Слон! Слон!

Слух о слонёнке уже разошёлся по городу.

— Уважаемые зрители! — сказал Азамат, прижимая руки к груди. — Почтенные старики! Весёлая детвора! Вы глубоко ошибаетесь — у меня нет слона! Я ещё только мечтаю выступить со слоном! Может, у меня и будет слон... когда-нибудь...

— Слон! Слон! Слон! — кричали дети, они ничего не хотели слушать.

«Когда тебя зовут, надо отзывать сразу же. А заставлять звать себя много раз невежливо и нескромно», — учила Илюка (тогда ещё Кришну) мать.

Илюк затрубил и выбежал на сцену. От неожиданности весь оркестр подпрыгнул на месте, звякнули медные тарелки, пискнули кларнеты, фаготы, корнет-а-пистоны,

охнул контрабас. Выбежал Илюк — и растерялся! Ещё бы! Если на тебя уставились тысячи пар глаз! И каждая пара смотрит ожидающе! Хорошо, что Илюк из своего укрытия внимательно следил за каждым номером. Это и спасло его.

Илюк схватил стол, который уже вынесли для следующего номера, подбросил его в воздух, поймал и понёс на кончике хобота. «Але-гоп!» — и Азамат прыгнул на стол. Неся стол, как зонтик, Илюк побежал по краю арены. За ним катился какой-то огненно-рыжий круг. Круг взлетел в воздух, распрямился и, оказавшись белкой, уселся на голову Азамата. «Але-гоп!» — сказала левое Илюково ухо, оттуда молнией вылетел и сел верхом на белку суслик. Он пошептался с белкой, та в восторге закивала головой. «Але-гоп!» — и суслик пропал из глаз. «Але-гоп!» — исчезла и белка. Азамат спрыгнул на пол, а стол взлетел вверх, ударился о купол шатра и, несколько раз перевернувшись в воздухе, опустился посреди арены на четыре ножки.

Илюк (почему-то у него топорщились оба уха) убежал за кулисы.

Шатёр трясся от аплодисментов. Буря и ураган пролетели по рядам — так покорила зрителей этот номер. Музыканты подобрали свои инструменты — и грянул туш.

Илюку пришлось целых двадцатьтринадцать раз выйти к восхищённой публике. В последний выход огромные уши Илюка оба разом откинулись, из-под левого уха выскочил суслик, из-под правого — белка.

И конечно, снова поднялась буря аплодисментов.

На арену опять пробежал Азамат.

— Вы видели выступление слона, которого зовут Илюк, — сказал он. — И сами убедились: он настоящий мастер! Но что удивительно! Цирковому искусству его никто не обучал! Сегодня он впервые в жизни попал в цирк. Но видите, какой он интересный циркач! А стать хорошим циркачом очень-очень трудно. Иного учишь-учишь, два года учишь, три года учишь, а потом выйдешь с ним на арену, и он опозорит тебя на всю жизнь. Я и сам учился много-много лет. А у Илюка природный дар! Я считаю,

друзья, что Илюк рождён быть цирковым слоном! Вы как думаете?

— Конечно! Ещё бы! Мы все так думаем! — кричали зрители. — Он должен остаться в цирке! Только в цирке!

Но тут на весь огромный цирк раздался отчаянный голос:

— Что вы делаете? Как вам не стыдно! Он не может оставаться здесь!

Это была Зульфия. Всё представление она, замерев от восторга, сидела рядом со своим дедушкой и лишь шептала порой: «Неужели? Неужели? Молодец! Ах, Илюк! Ах, Илюк! Ах, Илюк!» Когда же все закричали, что Илюка надо оставить в цирке, она от ужаса зажала обеими ладонями рот, а потом, сверкнув глазами, бросилась на выручку.

Отбросив двадцатьшестьнадцать косичек назад, Зульфия вскочила на ноги. Запинаясь от волнения, но весьма толково она рассказала о девочке Хеведусь, ждущей в Чувашии Илюка, о полосатом тигре, который спрашивал: «Ты совсем один?», об облаках, которые берут в плен, о сусликах, у которых есть могучий дядя, об орлёнке Младшем, но самый обстоятельный её рассказ был о каком-то любопытном соседе какого-то Кришны, который скоро придёт в Узбекистан. Потом ещё раз трянула всеми своими косичками, обвела взглядом притихшие ряды и крикнула:

— Открывайте все двери и все ворота!

Оказывается, иногда необходимо и такое: чтобы среди тысячи людей, которые думают одинаково, нашёлся один человек, который думает по-своему! Маленькая девочка Зульфия убедила тысячу человек. И все вместе решили: конечно, Илюк может стать великим цирковым слоном (сказать по правде, он уже сейчас зрелый циркач!), но он спешит, у него очень важное дело — и нельзя задерживать Илюка! Лучше пожелать ему доброго пути.

И тысячи человек пожелали Илюку и Острому Зубу доброго пути.

Чтоб впредь не возникали подобные недоразумения,

Азамат на следующий день напечатал в газете такое сообщение:

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ЧТОБЫ ЗНАЛИ ВСЕ!

К нам в страну пришли маленький слонёнок и его друг суслик. До этого они одолели четыре тысячи километров пешком и только пять километров проехали на грузовике (но это, как они говорят, им очень не понравилось). Я благодарен двум путешественникам. Очень! Они прямо-таки раскрыли мне глаза! Представляете, я жил до сих пор и не знал, что уши умеют разговаривать! Артист, если он не развивает своё мастерство, плохой артист. И я поставил перед собой цель: непременно научу разговаривать свои уши. Конечно, трудно мне придётся без Илюка (так зовут слонёнка). Ладно, хватит об этом! Надо успокоиться...

Друзья, не трогайте Илюка! У него своё важное дело!

Не задерживайте его! Он — спешит!

Ах, как повезёт чебоксарским детям, если Илюк согласится выступать там в цирке!

Дрессировщик Азамат

Газету с этим сообщением Азамат заложил Илюку за правое ухо. Если кто впредь захочет задержать их, Илюк даст газету, тот прочтает и отпустит их.

Действительно, Илюка и Острого Зуба нигде больше не задерживали.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой выясняется, что большой подарок
(например, пшеничное поле)
может вскружить голову

то какая страна?

— Пшеничная Страна! Пшеничная Страна! — стаями поднимались в воздух жаворонки.

И правда, путешественники ещё издали увидели сияние пшеничного поля.

— Была Ковыльная! Была Полынная! — вились в небе жаворонки. — Стала Пшеничная! Стала Пшеничная!

Острый Зуб усмехнулся, Илюк улыбнулся, они хорошо помнили, как чуть не оплошали в Туркмении. Пусть другие говорят что хотят, а они скажут: Ка-зах-стан!

Дошли до поля и зажмурили глаза. Каждый колос словно солнечный блик.

— Невозможно удержаться! — вскрикнул Острый Зуб. От нетерпения он пробежался взад и вперёд по спине Илюка и спрыгнул на землю.

Острый Зуб был в восторге. Он крутился, стараясь увидеть как можно больше колосьев сразу. Потом дотронулся коготочком до сверкающего стебля пшеницы, решительно мотнул головой и, обхватив один стебель, согнул его.

— Илюк! Что с моими глазами? Мне кажется, этот колос выше меня! Иди-ка, померяй нас! — И он завертелся и запрыгал, пытаясь помериться ростом с колосом.

— Нет, Острый Зуб, колос слишком велик. Придётся тебе сначала помериться с его зёрнышком.

— Не может быть! Не шути, Илюк! Я стал твоим другом только потому, что ты самый серьёзный из всех слонов, каких я знал. А теперь и ты где-то выучился дразниться. — Острый Зуб схватился за другой колос. — Такую пшеницу жалко есть! Единственное её назначение — украшать белый свет!

— Жалко, да не всем, — не согласился Илюк. — Вон там стадо гусей забралось в пшеницу.

— Ка-ак!

Острый Зуб взбежал на плечо Илюка и встал на цы-

почки. Не веря своим глазам, протёр их. Потом он, проклиная всех птиц на свете, спустился на землю, обнял сверкающий стебель и глубоко задумался.

— Послушай-ка, Илюк... — сказал он наконец. — А зачем обязательно идти в Чебоксары? Разве мы дали кому-то клятву? Мне-то что, я сижу и пою, захочу — могу вздремнуть, но каково тебе? Не знаешь отдыха ни днём, ни ночью, осунулся, постарел. Тебе ни за что не дашь три года.

— Мне скоро четыре.

— И четырёх не дашь! Ты выглядишь таким старым, словно тебе семь или даже восемь лет! Нет, Илюк, если ты ещё хочешь пожить на этом свете, хватит путешествовать! Потом будет поздно! Разве мы слово дали Хеведусь? Так, мол, и так, жди нас, мы будем жариться в раскалённых песках, заклёбываться в бешеных реках, терять хвосты и хоботы в горных ущельях. Ты ей так не говорил? Нет? И я не говорил. Зачем же нам опять куда-то тащиться... и оставить здесь... это поле... самое прекрасное поле... Так вот, слушай! Ты должен, ты обязан слушаться старших! Я старше тебя, и моё слово для тебя закон!

— Как старше? Ты же был моложе!

— Был. Вчера. А сегодня старше! Я подумал-подумал и решил: мой день рождения будет сегодня! А в подарок себе я хочу вот это поле! Это самое! Потому я исполняю себе четыре года!

— Но... нельзя менять день рождения.

— Это чужой нельзя, а свой можно! Мой день рождения — что хочу, то и делаю! Захочу — вот сейчас исполню себе сто четыре года, лягу и умру от старости!.. Всё! Я теперь старше тебя! И по праву старшего говорю: довольно путешествовать, остаёмся жить здесь! — И он хлопнул лапкой о землю. — Вот здесь!

Илюк растерялся. Потом он, кажется, возмутился, грозно поднял хобот и шагнул к Острому Зубу. Но ему сразу же стало стыдно: поднять хобот на такого малыша! Сидит — меньше казахстанского колоска! Говорит, что не устаёт, он знай себе едет и поёт, но это совсем не так! Нет, Острый Зуб тоже устаёт! И мордочка и лапки — всё

в ссадинах и царапинах. Ведь позади тысячи и тысячи вёрст! Другой бы хныкал, капризничал, а он только пел, шутил, подбадривал!

— Лучший грызун на свете, я тебя понимаю: нельзя не полюбить это поле! Конечно, если хочешь, оставайся... Но никогда не забывай: ты для меня... До свиданья...

У Илюка перехватило дыхание, слова застряли в горле. Но нельзя портить своим унылым видом день рождения друга! И слонёнок быстро пошёл прочь.

Оказывается, тепло и сияние дня зависят не только от солнца, но и от друзей. Был Острый Зуб рядом — и даже в холода было тепло. Но вот остался он там — и тёплое золотое поле стало серым и тоскливым.

Сзади раздался свист, потом крик:

— Стой!.. Стой, тебе говорят! — Острый Зуб забежал вперёд и сел перед Илюком. — Ты меня обидел в день моего рождения! Не только меня — ты оскорбил славный и благородный род Откуси-с-первого-раза! За кого ты меня принимаешь? «Оставайся»!.. Ты хочешь, чтобы все матери из рода Откуси-с-первого-раза говорили своим малышам: «Не будьте как Острый Зуб! Он бросил друга! Маленького слонёнка бросил одного!» Ступай за мной! Да быстрее же! Что ты еле тащишься? Мы идём в Чебоксары!

Илюку стало стыдно. Вздыхая, он поплёлся за Острым Зубом.

— Ты же сам захотел...

— Слушай, Илюк, с каждым может случиться! Даже у меня могут быть ошибки. А такой большой подарок кого хочешь огорошит! Быстрее же! Но я даже такому... такому большому... не по зубам! Шагай быстрее! — Острый Зуб бормотал без умолку, стараясь не оглядываться назад. — Только придём, я расскажу Хеведусь про это поле. И она сразу же захочет увидеть его! А кто приведёт Хеведусь сюда? Конечно, Острый Зуб! Мы сядем с ней на Илюка — и вмиг очутимся здесь! А в эту пшеницу только взгляни — и влюбишься без памяти!

— Пожалуй, что так! — кивнул Илюк. — Конечно, так и будет.

— Илюк, у тебя очень много недостатков. Ты, напри-

мер, можешь обидеть именинника. Но есть у тебя и одно достоинство: предсказываешь ты всегда правильно! И это твоё предсказание тоже сбудется! Обязательно сбудется!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

где много рассуждают и приходят к выводу,
что рыбам лучше жить в воде

А пшеничному раздолью не было конца и края. Кончалось одно поле — начиналось другое. Страданиям маленького суслика тоже не было конца.

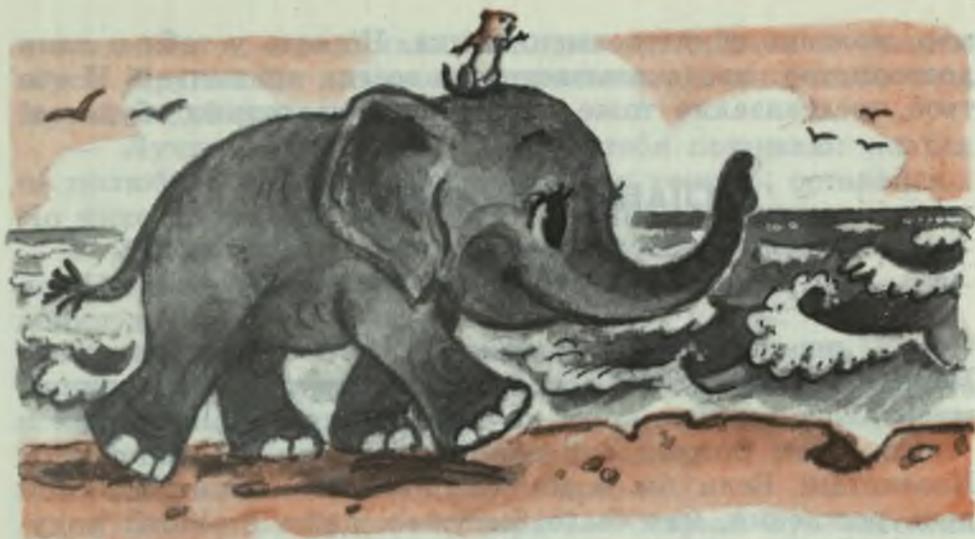
Но потом Острый Зуб подумал: «Какой большой этот Казахстан! Если бы я на каждом поле справлял свой день рождения, мне было бы уже... даже страшно подумать! Я был бы дряхлым-предряхлым стариком, мне исполнилось бы миллион-триллион-двадцатьшестьнадцать лет! Нет, — решил он, — лучше быть молодым. Тем более, что и к молодому суслику приходят такие мудрые мысли. А пшеничное поле, наверное, найдётся и в Чувашии». И Острый Зуб стал веселее смотреть на мир.

А Илюк шёл, помахивая хвостом, и думал: «Какой же Казахстан огромный! Недаром Нобад и его дед говорили, что Казахстан огромный. Дашгын-ага — мудрый, и Нобад — уважаемый. Если сложить Бывшую Ковыльную Страну, Бывшую Полынную (а теперь одну — Пшеничную), потом ещё Горную и ещё Пустынную, сюда же пустить несколько тысяч рек (разных — маленьких и больших!), разлить несколько тысяч озёр (разных-разных — маленьких и больших, солёных и пресных!), какой же знатный получается Казахстан! И кажется... кажется... к тому же впереди нас ждёт...» — Илюк потянул хоботом.

— Острый Зуб, в пяти километрах отсюда — море! — сказал он.

— Как? — вытаращил глаза суслик. — Кто тебе сказал?

— Мой хобот! Когда ветер навстречу, он чувствует на пять километров вперёд.

Круглая мордочка Острого Зуба вытянулась. Как же балует некоторых природа, каких только подарков не делает им! Хобот, который чует за пять километров, подумай только! Но уже через минуту мордочка Острого Зуба опять стала похожей на жёлтый надутый шарик.

— Нет! — сказал он, подняв уши торчком. — Нет! Мои уши говорят: море — в пяти километрах и трёх шагах!

Теперь настал черёд удивиться Илюку: вот это уши! И правда, когда до моря осталось три шага, Острый Зуб показал:

— Видишь, и ещё три шага!

Море — тоже целая страна. Страна Воды! Сегодня море полно белых птиц. Издалека-издалека, блестя оперением, приближаются они. А когда подходят близко, становится ясно, что белые птицы — это волны. Вот они стремительно несутся к берегу. Ударит волна, и тут же, не давая ей уйти обратно, нагоняет вторая, и они, две волны, сцепившись, взмывают вверх и, ударившись о берег, рассыпаются белой пеной.

Острый Зуб бросался из стороны в сторону, но, когда к берегу подкатился огромный вал, кинулся под защиту Илюка. Немного обсохнув, Острый Зуб посмотрел на

Илюка. Посмотрел с удивлением и почтением. Вот он каков, его друг! Даже на великое и пугающее море смотрит спокойно и с любопытством. Может быть, он всё видит по-другому?

— Илюк, мир какой?

— Великий.

— Земля какая?

— Великая.

— А море?

— Великое.

«Ну, тут всё просто! — подумал Острый Зуб. — Я его и сам вижу. Надо спросить про что-нибудь маленькое».

— Илюк, этот листик какой? — И он ткнул коготком в листик прибрежного куста.

Илюк посмотрел на листик. Он был крошечный, казался чистым-чистым зеркальцем, на которое упал солнечный луч. Когда на берег набегали волны, брызги падали на листик и гнули его вниз. Листик искрился, трепетал и поворачивался к солнцу.

— Этот листик — велик!

Острый Зуб отдернул лапу от листика. Его бросило в озноб. Если уж этого крохотулю называют великим, то...

— А... а... я ка-какой? — дрожащим голосом спросил маленький суслик.

Каких только насмешек не слышался Острый Зуб в своей жизни, как только не дразнили его! И «козявкой», и «букашкой», и... нет, лучше всего и не вспоминать!

Илюк повернул голову к Острому Зубу, глаза его сияли. У суслика перехватило дыхание.

— Острый Зуб, ты — великий суслик! — сказал Илюк, и Острый Зуб перестал понимать, кто он, где он и что с ним...

— Илюк, ты самый-самый справедливый на свете! — только и смог пролепетать он.

Конечно, ему захотелось узнать и о других!

— Маленькая Зульфия какая?

— Маленькая Зульфия — большая! — улыбнулся Илюк.

— Младший какой?

— И Младший — большой!

— И Косая Борода?

— Ма-аленький!

— Азамат какой?

— Когда мы просили: «Открой ворота, отпусти нас!», а Азамат не слушал, хотел силой удержать нас, он был маленький. Но когда он, хотя ему было тяжело расставаться с нами, от души пожелал нам счастливого пути, он был большой! А какой великий он циркач!

— Правильно! — вмешалась в разговор Белорыбица. Высунув голову из воды, она внимательно слушала беседу слона и суслика. — Правильно! Маленькие становятся большими, большие иногда превращаются в маленьких. А вот Каспий велик всегда!

Белорыбица оказалась знатоком моря. Но на беду, она пересыпала свой рассказ длинными мудрёными словами, и эти слова были такими тяжёлыми и громоздкими, что не пролезали в уши.

«Какая учёная рыба!» — думал Илюк.

— Скажите, какие она слова знает! — с завистью проворчал Острый Зуб. Как он ни старался, не мог запомнить ни одного слова.

— В нашем море пятьдесят обычных островов! — перешла Белорыбца на нормальный язык, но тут же удивила своих слушателей ещё больше: — А стальных островков — видимо-невидимо!

«Обманывает! Меня, великого суслика, учёными словами засыпать хочет! Думает, я — маленький!» — рассердился Острый Зуб.

— Белорыбца, кого ты обманываешь? — сказал он. — Какие такие стальные островки?

При этих словах зашумела остальная публика. Оказывается, сюда уже собрались представители всего рыбьего мира Каспия.

— Быть у Каспия и не знать этого!

— Быть возле самого Мангышлака¹ и не знать этого!

— Поплыли посмотрим! — обиженно сказала Белорыбца. Ещё бы, такое неуважение к лектору!

— Поплыли! — сказал Острый Зуб. — Илюк, приготовься!

— Зачем же плыть на слоне? — услышался ехидный тонкий голосок. Это сказала Килька, хитро поблёскивая глазками из воды. — Если кто не верит другим на слово, пусть всё испытает сам! Так вот, Острый Зуб, давай прыгай — и камнем на дно!

Тысячи рыбьих глаз выжидающе смотрели из моря на суслика.

— Острый Зуб — хороший пловец! — нарушил долгое молчание Илюк. — Когда мы ходили за волшебными ягодами для Младшего, он переплыл реку, которую называют бешеной!

— Реку? Бешеную?.. — разинули рты рыбы.

— Ну что там! — небрежно сказал суслик. — Одолеть бешеную реку легче лёгкого... Беда в другом... — опечалился он. — Беда в том, что нам, несчастным сусликам, **НЕЛЬЗЯ ПЛАВАТЬ В МОРЕ!** А почему нельзя? Из-за килек! Потому что они нарушили древний закон! По этому закону килькам полагалось жить в пустыне, а сусликам в море. И покуда кильки не вернутся на сушу,

¹ Мангышлак — полуостров на берегу Каспийского моря, где добывают нефть и газ.

суслики не смеют даже лапку замочить в солёной воде! А разве мы не мечтаем плавать по морю? Килька! — топнул лапкой Острый Зуб. — Вы погубили наше будущее! Пора исправить дело! Хватит вам отсиживаться в море! Давай, Килька, выпрыгивай! Полежи на этом горячем камне, отдохни, а потом — напрямик в пустыню. Ну, а я — в море.

Хитрые Килькины глазки разъехались в разные стороны. Что-то случилось и с другими рыбами — одни нырнули на дно, другие в ужасе уставились на Острого Зуба.

— Я не помню такого закона... — проговорила Килька.

— Ещё бы! Чего не хочешь, забываешь быстро! — сказал Острый Зуб. — Белорыбица, ты что замолчала? Так где же твои стальные островки?

— Да-да... пустыня... островки... — пробормотала Белорыбица и замолчала. Она тоже никак не могла прийти в себя.

— Белорыбица знает много учёных слов, — задрал нос, сказал суслик, — а толком рассказать про стальные островки не может!

Но Белорыбица собралась с духом и толково и ясно сказала:

— Могу! Люди научились добывать нефть со дна моря. Для этого они строят стальной остров, ставят на него буровую вышку и качают нефть. И вот что ещё, Острый Зуб: кильки не смогут бегать по пустыне! Они уже отвыкли. Неужели сусликам так уж необходимо плавать в море?

— Не отвлекайся! — отрезал Острый Зуб. — Это мы обсудим потом. Почему же их делают из стали?

— Потому что они стоят на сваях и должны выдерживать самый жестокий шторм! Острый Зуб, а что будет с кильками? Ты должен помочь им!

— Нелегко отказаться от заветной мечты, ох, нелегко! — вздохнул суслик. Но после небольшого раздумья он сказал: — Ладно, Килька, так и быть! Мы народ доброжелательный, незлобивый! Но даже мирным сусликам бывает обидно, когда им ехидным голосом предлагают прыгнуть со слона и бултыхнуться в воду. И ведь кто предлагает? Килька, которая сама во всём виновата!..

Поднялся шум, все рыбы зашикали на маленькую Кильку: какая невоспитанность — насмехаться над благородными сусликами; сами во всём виноваты, а тоже... вот и пускай таких в солидную компанию!

— Так и быть, поговорю со своими, уговорю, чтоб согласились ещё пожить в пустыне! — милостиво махнул лапкой суслик, не помнящий зла.

Над морем вспыхнули десятки радуг! Это рыбы били хвостами по воде, подняли тучи брызг, и они засверкали на солнце. Когда радуги потухли, маленькой неблагодарной Кильки не было: без всяких «извините» и «спасибо» она уплыла к себе.

— Ну, в дорогу! — сказал Острый Зуб. — Что делать, куда кильки не научатся бегать по пустыне, придётся нам плавать по морю на слонах!

«Однако, толковая эта Белорыбица!» — подумали наши мореплаватели через час, когда в Мангышлакском заливе увидели стальные островки и стальные вышки на

них. Те самые вышки, которые качают со дна моря нефть.

На берегу Каспия Илюк с Острым Зубом прожили три дня. На четвёртый день Острый Зуб торжественно объявил решение рода Откуси-с-первого-раза: пусть Каспий будет полон всякой рыбы, пусть кильки ещё поживут в море! Ради этого благородное племя сусликов согласно оставаться на суше!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

где оренбургские дети вот-вот полетят
и вот-вот что-нибудь откроют!

 ни шли бескрайним полем подсолнуха. Илюк то и дело останавливался от удивления, а Острый Зуб от удивления то и дело подскакивал: по всей Оренбургской земле стоял крик! Через час, когда подсолнухи кончились и путешественники вышли к большому селу, они удивились ещё больше: оказывается, вдвоём-втроём можно переполошить весь свет! Всего-то спорят два мальчика и мычит телёнок! Один из мальчиков, должно быть, вышел пасти телёнка (телёнок запутался в своей верёвке и мычит из последних сил, проклиная своего хозяина), а другой выгнал за околицу гусей (те сейчас блаженствуют в просе и на своего хозяина совсем не в обиде).

«Эти мальчики спорят не хуже слонят!» — подумал Илюк.

«Смотри-ка, спорят! Ну точно как суслики! Через каждое слово бьют себя в грудь и дают клятву», — подумал Острый Зуб.

— Я буду космонавтом! — сказал черноволосый, черноглазый мальчик с таким видом, словно он вот сейчас полетит на Сатурн.

— А я буду историком-географом! — сказал другой, светловолосый и светлоглазый, таким голосом, будто уже открыл новый материк или новый океан.

— Эх, Кешка! Что такое историк-географ? — махнул рукой будущий космонавт. — Ты лучше скажи: сколько звёзд на небе?

— А ты, Мансúr, скажи: сколько народов, сколько рек, сколько гор на земле? — не сдавался Кеша.

— Горы я хорошо знаю! По горам надо ходить осторожно, особенно нельзя доверять тропинкам...— попытался вступить в разговор подошедший Илюк.

Однако настоящие спорщики, когда спорят, ничего вокруг не видят и не слышат, шлёпни их по спине хоботом — они только почешутся.

Острый Зуб надулся: раньше, бывало, завидят их мальчишки и с криком «Слон! Слон!» бросаются навстречу. А заметят сидящего на слоне суслика — и вовсе теребят дар речи. Эти же двое лишь друг на друга глаза таращат.

Илюк обхватил одного из них хоботом, поднял над головой и снова поставил на землю. Будущие историк-географ и космонавт очнулись и закричали: «Слон! Слон!» А когда заметили приглаживающего свой мех суслика, остались без слов.

Оказывается, география — наука очень полезная. Раньше Илюк долго объяснял, какими дорогами, через какие страны он шёл, а сейчас только сказал, откуда они идут, — и будущий географ сразу начал рассказывать про Гималаи, Каракумы, Амударью. Будто не слон, а он сам прошёл этот длинный путь!

И знать историю тоже хорошо. Когда Кеша узнал, куда и к кому направились Илюк с Острым Зубом, он сказал:

— Но вы уже побывали в тех землях, где жили чужаки!

— Постой! Постой! — перебил его Острый Зуб. — Не знаю, не знаю, станешь ли ты этим... самым... географом... Ты уже сейчас путаешь вещи, которые географ должен знать, как ты — свои пять пальцев, а я — свои четыре коготка! Вот ты, важно выпятив грудь, спрашивал, сколько на свете рек. А теперь я задам вопрос. Скажи мне, великий географ, слышал ты про такие реки — Ганг и Волга?

— Ганг и Волга? — рассмеялся Кеша. — Кто же про них не слышал! Это великие реки. Про них даже телёнок

Мансура и мои гуси слышали. Давай-ка я тебя спрошу про реки помельче. Такие, как, скажем, Джолиба в Африке или Морочь в Белоруссии. Что ты о них знаешь?

— Как ты сказал? «Что-либо»? «Морочь»? Молчи! Лучше молчи! — Острый Зуб лёг на спину и замахал всеми четырьмя лапками. — «Что-либо»? Кто же реку называет «Что-либо»? Река поит землю, орошает сады, огороды, она — любимый дом рыб, ты блаженствуешь, купаясь в ней! Нужно быть чёрствым, неблагодарным, чтобы не найти реке достойного имени. «Что-либо» — не слово даже, а две половинки! Всё, реограф, понятно! И не река Морочь, а ты нас морочишь! Вряд ли ты станешь реографом и этим самым... э-э... как его... ну, там очень много его... целых сто штук!

— Историк, что ли? — опять засмеялся Кеша.

— Да-да! Сто-рик! Только зря смеёшься! Сто! Нет уж, если судьба тебе улыбнётся и станешь ты хотя бы один-риком — и то скажи спасибо! Я ещё раз спрашиваю тебя: ты знаешь, где находится Ганг и где — Волга?

— Волга — впереди, Ганг — позади!

— А где живут чуваши?

— На Волге!

— Тогда, о великий два-рика или даже три-рика — пусть, я не жадный! — объясни нам: как это мы, идущие от Ганга, не дойдя ещё до Волги, сумели побывать у чувашей?

Острый Зуб ожидал, что уж теперь-то Кеше будет не до смеха. Но тот засмеялся в третий раз:

— Ну и что? Я ещё раз повторяю: Илюк и Острый Зуб, вы уже побывали там, где жили предки чувашей! Давным-давно, тысячи лет назад, жили в Азии, около озера Байкал, два племени — булгáры и сувáзы. Это были кочевые племена скотоводов. Потом они переселились и жили около озера Балхáш и Аральского моря. И уже потом ушли на Волгу. Они-то и были предками современных чувашей.

— Правда, интересно знать историю... — тихо сказал Мансур.

Острый Зуб был поражён: «Конечно, то, что случилось в нынешнем и даже в прошлом году, я прекрасно помню. Но этот мальчик помнит и такое, что происходило тысячи лет назад!»

— Кешка, а что ты будешь делать, когда вырастешь и станешь сторицом-реографом?

— Я тебе скажу прямо, Острый Зуб! Пока люди открыли только четыре океана — Тихий, Атлантический, Индийский и Северный Ледовитый. Я лично считаю, что этого слишком мало! Я уверен, чует моё сердце, есть где-то ещё один океан! Моя мечта — разыскать его!

— Конечно! — бодро кивнул Острый Зуб. Он покашлял, прочистил горло и громким голосом возвестил:

Кеша — храбрый капитан,

Ищет пятый океан.

Ищет месяц, ищет год —

Обязательно найдёт!

От удовольствия Кеша стал красный как мак.

Да, могучие науки — история и география, но Мансур не забыл и про свою мечту.

— Знаете ли вы? Знаете ли вы? — вдруг замахал он руками. — Знаете ли вы, что у Сатурна на самом деле не одно кольцо, как нам кажется, и даже не пять, а тысяча и даже больше! Знаете ли вы? Знаете ли вы, что наше Солнце — только одна из самых маленьких звёзд? А знаете, что расстояние между Землёй и Солнцем почти 150 миллионов километров? А вот расстояние между Землёй и самой близкой звездой больше этого в 275 тысяч раз? И знаете что? Луч света за одну секунду пролетает 300 тысяч километров и путь от Солнца до Земли проходит за 8 минут 19 секунд. А вот от ближайшей звезды до Земли свет идёт больше 4-х лет. От звезды Вёга — 27 лет, от звезды Денёб — больше 500 лет, а от Млечного Пути до нас он летит несколько тысяч лет!

— ???!!!

Три вопросительных и три восклицательных стоят здесь потому, что:

перед Мансуром стояли трое,

и всем троим хотелось спросить, и не просто спросить, а закричать от удивления на все Оренбуржье, но все трое не могли вымолвить ни слова.

Один из них, который больше всего любит ВОСХОД СОЛНЦА, был подавлен: великое Солнце назвали «одной из самых маленьких звёзд»! Другой, который умеет сочинять песни, был потрясён неслыханными прежде словами — Сатурн! Вега! Денеб! «Эх, хоть бы одно из них вставить в песню», — подумал он. А третий, мечтающий найти ещё один океан, был изумлён огромными числами: «Ты ломал голову: четыре или пять? А тут миллионы и миллиарды!»

Долго они сидели без слов. Потом раздался грустный-прегрустный голос.

— Как же так? — печально сказал Илюк. — Как же так? Солнце — величайшее из величайших, оно освещает весь мир, приводит к нам весну и лето, выращивает ягоды и яблоки, блеснёт — и светом своим в один миг наполняет все лотосы на озере, и вдруг — только «одна из самых маленьких звёзд»! — И своими огромными ушами Илюк закрыл глаза.

Опять стало тихо. Кеша и Мансур переглянулись: «лекция» Мансура вконец подкосила Илюка. Но как помочь Илюку? Ему нужно доброе слово! А что такое доброе слово? Разумеется, песня! И в эту тяжёлую минуту Острый Зуб понял, какой должна быть песня:

она должна быть красивой,

она должна быть правдивой,

и она должна другого (например, Илюка!) защитить-ободрить-вдохновить-успокоить!

И если Острый Зуб сейчас (в самое нужное время) не найдёт слов, которые поддержат друга в беде, то нечего впредь и пытаться складывать песни! Остаётся одно: уйти куда глаза глядят и там как-нибудь доживать свою неудавшуюся жизнь...

— Солнце... Солнце — одна из самых маленьких звёзд, — сказал Илюк, — но маленькая звезда освещает огромный мир! Легко делать большие дела, когда ты большой. А если ты маленький?..

И тут Острый Зуб подпрыгнул на спине Илюка.

Песня была готова!

Кто нам светит? Солнышко!

Кто нас греет? Солнышко!

Кто покрасил в жёлтый цвет

Эти вот подсолнушки?

Кто лепёшку и калач

Вырастил из зёрнышка?

Наш большой и верный друг

Маленькое солнышко!

— И не только! — зама- хал руками будущий космо- навт. — Солнце освещает не только нашу Землю, но и дру- гие планеты! Вы думаете, Лу- на сама такая яркая? Как бы не так! Луна — тёмный и холодный шар, но отражает солнечные лучи, потому и светится!

— Солнце освещает и Землю, и планеты, и Луну! — вздохнул счастливый Илюк.

— Мансур, ты сначала куда полетишь: на Сатурн или на Вегу? — спросил Острый Зуб.

— Сначала — на Сатурн, а потом... — Мансур не успел договорить, как у Остро- го Зуба уже была готова песня.

Наш Мансур, наш Мансур,
Прилетел он на Сатурн,
Помахал мне сверху шапкой,
А я ему лапкой.

Все засмеялись. Потом Кеша с Мансуром сели рядом с Острым Зубом, и Илюк поката- л их верхом. Они долго говорили о народах, живущих на земле, о звёздах, жи- вущих на небе, они спорили-смеялись-мечтали. И с почте- нием смотрели на величайшую маленькую звезду, кото- рая своим теплом и светом заполнила весь мир.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

которая начинается одной песней
и заканчивается другой,
хотя между ними случается страшное событие

Через лес мы шли, шли,
Из леса мы вышли
По свету кленовых листьев, по свету,
По свету кленовых листьев.
Через поля мы проходили, проходили,
Через поле перешли
По свету золотой пшеницы, по свету,
По свету золотой пшеницы...

Величаво звенела песня!

«Кто же смог придумать такую красивую?» — с завистью подумал Острый Зуб.

— Это поют про землю, куда мы пришли! — догадался Илюк.

Догадаться было не трудно. Всё так, как говорилось в песне. Илюк и Острый Зуб сегодня вышли в путь затемно. Они шли дремучим лесом и находили дорогу по свету кленовых листьев. Широкие листья клёнов светились, высвечивая из мрака другие деревья. Потом, когда уже рассвело, когда воздух стал голубым, а листья — сизыми, вдруг наступила кромешная тьма... Оказалось, друзья попали в черёмушник!

Свечерело. Два путешественника остановились на холме. Внизу лежало озеро. По озеру плавали утки, каждое перо у них казалось смазанным жиром — так они блестели! На другой стороне озера стояла деревня. Стены домов — оранжевые да коричневые, крыши — красные, рамы окон — голубые, а под окнами — высокие кусты с жёлтыми цветами.

А за деревней тянулось поле. Даже отсюда было видно, что это пшеничное поле, такое от него шло сияние! Сейчас там работал комбайн. Время от времени к нему подъезжал грузовик. Комбайн останавливался, пшеница широким потоком сыпалась в кузов машины. Через

минуту полный грузовик уже мчался по большой дороге.

— Дружно работают, потому дело идёт споро! — сказал Илюк.

— С песней работают — вот и дружно! — уточнил Острый Зуб. — Илюк, вспомни-ка, что говорила Ласточка про Чувашию?

— Она назвала ее Страной Жёлтых Цветов!

— Разве про эту землю можно сказать только это?

Острый Зуб уселся поудобней и тихонько замурлыкал. У сочинителей это самая важная минута. Начнёшь вот так мурлыкать, и вдруг издалека-издалека двинется к тебе песня — ещё неведомая, непонятная. Тебя сразу бросает то в жар, то в холод, ты весь напрягаешься, ещё миг — и ухватишь первое слово, а повезёт, и всю строку.

Вот и сейчас Острый Зуб уже готов был цапнуть сразу целую строку, как вдруг по ту сторону озера, возле околицы, замычала корова и раздался истошный крик:

— Помогите! Спасите!

Там творилось что-то неладное. Кажется, мальчик дрался с коровой.

Илюк и Острый Зуб сидят в кустах на берегу озера.

Не то что схватить строку, даже на Илюка не успел взбежать Острый Зуб — слонёнок затрубил и бросился на помощь. Сначала Острый Зуб пытался бежать за Илюком по траве, но скоро понял, что это пустая затея. Кто назвал её «травой»? Не трава это, а густая чаща, в которой можно проплутать всю жизнь. Тогда Острый Зуб — вот что значит смекнуть вовремя! — взобрался на маленькое деревце, чтобы осмотреться. Охая-ахая, пыхтя и кряхтя, влез на ветку повыше, поднял глаза и... До чего же он, Острый Зуб, несообразительный суслик! Прямо над ним сидела страшная птица — вся пёстрая, глаза огромные, жёлтые, неподвижные, когти как клещи, клюв как крючок! Это был филин — страшный враг сусликов! Вот так осмотрелся!

Увидев суслика, Крючок-и-Клещи захлопал крыльями и вытаращил глаза: откуда такой подарок?

Острый Зуб, который только что был готов петь на весь лес, еле-еле выговорил:

— Я... я... ка-кажусь к-к-кру-глень-ким... ко-ко-когда си-сiju... а так... я... ко-ко-кожа да ко-ко-кости...

— Ух! — Крючок-и-Клещи ухнул так, что Острый Зуб чуть замертво не упал с дерева. — Ниче-го!

— Как «ничего»? Я — кожа да кости, кожа из рогами и кости из гвоздей!

— Ты — суслик. Кругленький, жирненький суслик.

— Я очень маленький!

— Ниче-го!

— Меня в рот взять нельзя — такой я солёный! Знаешь, почему в Каспийском море вода солёная? Из-за меня! Я сполоснул там свою лапку — и огромное море стало солёным!

— Ниче-го! Солёное — в сто раз вкуснее.

Крючок-и-Клещи заскрежетал клювом и распахнул крылья — вот-вот вцепится в суслика.

— Ай-яй! Дядя идёт! Дядя! — завизжал тот.

Крючок-и-Клещи опустил крылья.

— Кто идёт?

— Дядя мой! Храбрый из храбрых, страшнейший из страшных...

- Ниче-го!
- ...сильнейший из сильных, умнейший из умных...
- Ниче-го!
- ...хитрейший из хитрых...
- Ниче-го!
- Дядя Сатурн идёт!
- Кто-о-о?

— Идёт мой дядя Сатурн, который спихивает с деревьев всяких там «ничего»! Ого-го! Вон движется его тень, скоро сам здесь будет! Дрожит земля под его ногами! А вон и мой младший брат! Мой дядя и мой братишка — они всегда вместе ходят. — Острый Зуб показал на слонёнка. Илюк уже разнял дерущихся и теперь что-то доказывал им. — Илюк! Илюк! Скорей сюда! Хотят с тобой познакомиться! — закричал Острый Зуб. — Когда видят моего братишку, — торопливо продолжал он, — от удивления подскакивают. Когда же видят моего дядю Сатурна, сразу падают навзничь. Во сколько раз Илюк больше меня, во столько же раз дядя больше Илюка. Смотри, смотри! Дядина тень закрыла поляну!

— Тень старого дуба, — не согласился Крючок-и-Клещи.

— Конечно, для тех, кто невежествен, кто не видел белого света, кто летает только по ночам, это тень старого дуба. Но кто хоть раз, хоть краешком глаза видел настоящего великана, тот знает: это тень мизинца моего дядюшки!

Филин покашлял, потом покрутил головой, мигнул несколько раз и посмотрел на тень большой осины.

— Тень осины.

— Конечно, — усмехнулся Острый Зуб, — тень дядиной ресницы можно принять за тень осины.

Тут к ним подошёл Илюк, и страшная птица пересела на ветку повыше. Острый Зуб быстренько перебежал на спину Илюку и уже оттуда дал совет:

— По моим подсчётам, дядя Сатурн прибудет сюда дня через два-три. Смотри, как бы тебе не умереть с голоду, ожидая его.

— Ниче-го! — ответил Крючок-и-Клещи.

Илюк, узнав, что филин собирается дожидаться дядю Острого Зуба, вздохнул:

— Я уже пятый месяц путешествую с Острым Зубом,— сказал он,— но до сих пор не могу встретить его дядю.

— Ниче-го!

— Ну, ничего так ничего! — засмеялся Острый Зуб.— От всего сердца желаю тебе познакомиться с моим дядей!

Хорошо на спине у друга!

Острый Зуб огляделся по сторонам. Плавают по озеру утки, блестит-переливается в лучах закатного солнца пшеничное поле, бегут по дороге машины. Всё — как было, всё — на своих местах. Нет только песни. Лучшую свою песню потерял безвозвратно! Но в ту же минуту суслик от радости высоко подпрыгнул на месте. Песня вернулась!

И он запел:

Сказали: «Она — жёлтая!»

Говорю: «Она — голубая!»

Сказали: «Она — розовая!»

Говорю: «Она — зелёная!»

Это земля чувашская!

Леса — на её холмах!

Солнце — над ней!

Стада — на её лугах!

Солнце — над ней!

Хлеба — на её полях!

Солнце — над ней!

Это земля чувашская!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой слоны превращаются в коров,
коровы превращаются в слонов, а Плагги-ингэ
говорит две непонятные фразы

Не успел Острый Зуб допеть песню, которую вы прочитали в предыдущей главе, как мимо них пронеслась корова. Она на бегу подмигнула им и скрылась в чаще.

— Надо разобраться, что же у них всё-таки произошло! — сказал Илюк и снова направился к околице.

Слон был недоволен мальчиком. Подумать только, он дрался с коровой! С коровой, которая в Индии почитается священной! Острый Зуб тоже был сердит: из-за воплей этого мальчика он чуть не попал в страшные когти. Ладно ещё, род Откуси-с-первого-раза славится храбрецами, а не то... Илюк тоже хорош — бросать храбрецов на произвол судьбы!

Мальчик стоял у околичных ворот и, хлопая себя кепкой по колену, ругался:

— Ну, бродяга, ну, разбойница! Опять убежала! А слон такую бродягу защищает! «Не смей трогать! Корова священная!» А ещё слон! Ну что теперь делать?

— Как что делать? Идти домой, — сказал подошедший Илюк.

— Он боится идти домой: мать заругает, — проворчал Острый Зуб. — Тебя как зовут?

Мальчик не успел ответить. На крыльцо крайнего дома вышла женщина и закричала:

— Атнер! Где ты? Опять он не нашёл коровы и теперь околачивается возле дома! Атнер, где ты?

Атнер бросился было к лесу, но Илюк остановил его хоботом.

— Сегодня, вот... нашёл! — забормотал Атнер. — Вот, домой пригнал...

Илюк шёл впереди, за ним запыхавшийся Атнер с прутиком в руке. Острый Зуб на всякий случай спрятался за ухом. Во дворе со звоном покатались пустые вёдра.

— Слон! Маленький слонёнок! — Плаги-инге сбежала с крыльца. — Откуда он взялся? Ну и чудеса!

И тут она сказала первую непонятную фразу:

— Выходит, не зря говорят: «На ниточке из детских слёз можно водить слона»!

Но как ни поражена была Плаги-инге, хозяйственных хлопот она не забыла:

— Атнер, а корову тебе всё-таки придётся поискать! И вчера не вернулась, и сегодня её нет! Так и совсем пропадёт!

Атнер поёжился. Вечер тёплый, тихий. Задевая верхушки берёз, пролетают летучие мыши. Но отправишься искать эту бродягу — и мирная, уютная улица начнёт пугать длинными, косматыми тенями! Потом... как оставить этого слонёнка? Ведь не каждый день в деревню Синьял приходят слоны.

— Знаешь, мама, это не слон — это корова, наша корова! Покуда я гнал её через поле, она была коровой, но как прошла околичные ворота — вмиг превратилась в слона! Оказывается, наши околичные ворота стали волшебными!

— А это ещё кто? — указала Плаги-инге на Острого Зуба. Тот вышел из-под укрытия и уселся на спине Илюка. — Это же суслик! Что творится на белом свете!

— Вот-вот! Мама, он совсем не суслик! Он злой колдун! Это всё его проделки! Как выскочит, свистнет, осыплет нас мякиной — корова и превратилась в слона!

Илюк, приученный к порядку, поднял раскатившиеся по двору ведра и пошёл к колодцу. Через минуту на верхней ступеньке крыльца стояли два ведра, полнёхонькие водой.

— Смотри-ка, помогает! — ласково улыбнулась Плаги-инге и погладила Илюка по хоботу. И тут же сердито выговорила сыну: — Смотри, даже слон работает, а ты носишься где-то!

Вечер был такой тёплый и тихий, и сердитые слова были совершенно ни к чему. Илюк огляделся, искал, чем бы ещё помочь, и увидел гружённый брёвнами воз. Брёвна, поднять которые было под силу только двум-трём взрослым мужчинам, так и замелькали в воздухе и вскоре были аккуратно уложены возле плетня.

— Ишь ты!.. — сказала Плаги-инге. — Значит, правда, что слоны таскают брёвна!

— Конечно! А этот — заколдованный. У него ещё лучше получается!

— Хватит, Атнер, надоели мне твои выдумки!

— Какие выдумки, мама! Ну почему ты не веришь? Это заколдованная корова! Вон какая она сообразительная! А ты видела, чтобы козы ведрами таскали воду, а

свиньи укладывали брёвна? Нет ведь? Шёл я лесом, гнал корову домой, вдруг выскочил этот,— мальчик кивнул на Острого Зуба,— свистнул три раза — и корова стала слоном! Конечно, я огорчился, но этот колдун сказал: «Не горюй, Атнер, надо вашу корову уму-разуму поучить, слишком она у вас строптивая. Разбойница, а не корова! Буду превращать её то в слона, то снова в корову, пока не усмирю». Мама, подождём до утра!

— Да, уже и поздно... Что делается, что делается на белом свете!

Как только мать уснула, Атнер выскочил во двор, погладил лежащего в тени ворот слона и что было духу помчался по улице.

Острый Зуб встревожился, засуетился — то вбежит на Илюка, то спрыгнет обратно.

— Засоня... разве можно так беззаботно спать! Вставай же, вставай! Послушай, Илюк, не нравится мне эта история!

— Какая история? Нет никакой истории... — пробормотал Илюк и опять заснул.

— Придётся тебя укусить, иначе не разбудишь. Заранее прошу прощения! Поехали!

Илюк взвыл, вскочил и топнул ногой:

— Острый Зуб, оставь свою скверную привычку! У меня уже не ухо, а решето!

— Скверная привычка, скверная привычка! Скажи спасибо, что моя «скверная привычка» сейчас спасёт тебя! Илюк, надо бежать, спастись!

— Зачем, почему?

— Затем, потому! Слушай, Атнер этот — совсем не промах, он только с виду простак. Он уверил мать, что ты (такой хороший слон!) к утру станешь коровой. Разве ты хочешь стать коровой?

Илюк лениво мотнул хоботом и снова закрыл глаза. Он мог спать и стоя.

— Ладно, ты останешься слоном! Но что будет со мной?

Атнер сказал матери, что я злой колдун, что я превратил

её корову в слона. Знаешь, что со мной сделает хозяйка? Коромыслом, ухватом, скалкой и кочергой будет она колошматить меня! Она свою однорогую разбойницу и на десять слонов не променяет. Это у вас в Индии корова просто священная, а в Синьяле она — ещё и кормилица, и поилица, и жизни без неё нет! Илюк, быстрее, быстрее! Побежали!

— К утру корова сама вернётся...

— А если не вернётся? Я вижу, некоторые портятся прямо на глазах! Нет чтобы заняться серьёзным делом, они то коровой притворятся, то опять слонем — морочат людям голову! Что им до маленькой Хеведусь, они уже давно забыли её!

Илюк, не в силах слушать подобные речи, захлопал ушами и бросился узкой тропинкой через поле.

...Ватага каких-то злоумышленников на цыпочках кралась к дому Плаги-инге.

Тот, который шёл впереди, остановился, повернулся и погрозил кулаком:

— Ш-ш-ш! Тише, разбудите... Вон, лежит, словно гора.

Шаг за шагом ватага подкралась к воротам.

— Я думал, что слон бывает больше. А этот не больше коровы,— громко прошептал один.

— А я, глупый, считал, что у слонов рогов не бывает,— сказал другой.

— А я думал, что у слонов — огромные уши, а у этого — уши как у... коровы! — развёл руками третий.

— Уши и рога — ладно! Почему у него хобота нет? Хобота? — чуть не плача, спросил четвёртый.

Тот, который лежал возле ворот, почувал пыхтение и шмыганье, вскочил и замычал.

— Это же корова! — удивился один.

— Да ещё какая! — присвистнул другой. — С куцым хвостом, с обломанными рогами!

— Ну прямо корова Атнера!

— Ну-у, Атнер! — погрозил кулаком четвёртый, тот, который мечтал увидеть хобот.

— Честное слово! — дрожащим голосом начал оправдываться Атнер. — Когда я побежал за вами, здесь лежал настоящий слон!

— И что? Прекрасный слон превратился в чумазую корову?

Мальчики мрачно уставились на корову. Та, видать, была бойкая, так мотнула головой — все мальчишки бросились врассыпную. Потом она своими обломанными рогами принялась бодать ворота. От шума проснулась хозяйка.

— Корова! А где же тот? Что делается, что делается на белом свете!

И тут Плаги-инге сказала вторую непонятную фразу:

— Крепка же эта ниточка, если среди ночи дальше потянула! Завтра же напишу письмо.

Она открыла ворота и впустила корову во двор.

Затаившиеся дети вышли из-за кустов и окружили Атнера. Глаза сощурены, кулаки сжаты, а сопение и пыхтение — всё сильней и сильней.

Атнер вдруг стукнул себя по лбу:

— Растяпа! Дурень! Пень трухлявый! Не сообразил! Это же Илюк был! Он в Чебоксары идёт!

— Какой ещё Илюк?

— На прошлой неделе я был в гостях у старшей сестры в Чебоксарах. Так вот её маленькая дочка Хеведусь, моя племянница, каждый день плачет: «Когда же Илюк придёт? Пора ему прийти в Чебоксары!» Илюк это был! К Хеведусь идёт! Как же я сразу не догадался!

— Совсем заврался! — с презрением сказал один из мальчишек и поднёс кулак к носу Атнера.

— Есть у кого фонарик? — решительно сказал Атнер. — Надо посмотреть следы.

На счастье Атнера, фонарик нашёлся. Мальчишки опустили на четвереньки, они щупали землю руками, раздвигали траву.

— Вот газета какая-то... — сказал один.

При свете фонарика развернули газету и прочитали обращение, которое написал Азамат.

— И правда — Илюк! — радостно засмеялись мальчишки.

— Как же я сразу не догадался! — опять стукнул себя по лбу Атнер.

— Конечно, Илюк! Как же ты сразу не догадался? Эх, ты!

— Илюк это был! Илюк!

— Атнер! Хватит стучать себе по лбу, весь Синьял разбудишь! Ты знаешь, где живёт твоя племянница?

— Как не знать!

— Тогда поедем в Чебоксары, посмотрим на Илюка!

— Как же, «поедем»! Кто нас отпустит? Через два дня в школу!

— Тогда удерём.

— Когда удерём?

— Надо сейчас же, а то не догоним!

— А через Волгу как?

— На пароход потихоньку проберёмся!

Заговорщики быстро-быстро посмотрели по сторонам и, сбившись в кучку, начали горячо шептаться...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой выясняется, что слава маленького суслика сверкает ярче, чем тысяча колец его дяди

вистит ветер, пронизывает насквозь!

«Гляди-ка,— думает Острый Зуб,— а ведь я лечу! Я на небе! Значит, Илюк научился летать. Вот молодец! Надоело ходить по земле, пыль глотать — взял и полетел. Надо проснуться, а то всё просплю и ничего не увижу».

Он попытался открыть глаза. Но когда летишь с такой скоростью — не так-то просто. Однако Острый Зуб изловчился и на полмига открыл один глаз. Голова пошла крúгом! Небо полно звёзд! Они полыхают! Того и гляди, ударишься о какую-нибудь звезду.

Острый Зуб снова зажмурился. Но теперь звёзды кружились перед закрытыми глазами. Вот навстречу, рассыпая искры, мчится звезда. Чуть не сшибла Острого Зуба с неба — хорошо, вовремя пригнулся! Видать, и другие звёзды нацелились на него. Ничего, у Острого Зуба всюду есть друзья. Даже на небе. Вон его друг-приятель Острый Луч, тёзка наполовину! Конечно, он уже издали узнал Острого Зуба.

— Острый Зуб, помнишь? — весело кричит звездочка.

Разве можно забыть ту ночь, когда ради спасения Младшего Илюк с Острым Зубом бросились в бешеную реку, рискуя жизнью, добрались до Алого Сокровища? Разве можно забыть, КТО ИМЕННО сорвал алую волшебную ягоду?

Острый Луч засмеялся. Когда смеются дети, у них светятся лицо и глаза, а когда смеются звёзды — вспыхивает всё небо.

А разве у Острого Зуба только один-единственный друг на небе? Их у него здесь — целая куча! Где же Сатурн? А Вега? А Млечный Путь? Где они? Надо им передать привет от Мансура.

Но тут Острый Зуб почувствовал, что спускаются вниз.

— Жизнь прекрасна! — закричал счастливый суслик.

Они коснулись земли, Острый Зуб открыл глаза и...

— Жизнь ужасна! — прошептал он.

Не Илюк нёс его по небу, а старый знакомый — филин Крючок-и-Клещи!

— Попался! — просипел филин.

«Попался! — тут же согласился Острый Зуб про себя.— Попался! Пропал! Погиб!»

Сейчас, в предрассветной мгле, филин был особенно страшен.

«Хлопну — пришибу!» — сказала крыло.

«Клюну — прошибу!» — сказал клюв.

«Дёрнем — разорвём!» — сказали когти-клещи.

— Хвостун! — ухнул Крючок-и-Клещи.— «Дядя Сатурн! Дядя Сатурн!» Нет дяди Сатурна!

— Ка-а... ка-ак нет? Ты же остался его ждать!

— Не видел. Нет. Не пришёл.

— Не видел? Не пришёл? Надо было искать! Надо было летать, а не сидеть на месте. Он — дядя! Его на тарелочке не принесут. Лодырь ты и бездельник!

— Ух!..

— И нечего ухать! Пойдём спросим у Младшего брата.

— Не спросим. Завтракать пора.— Крючок-и-Клещи обошёл вокруг съёжившегося суслика.— Завтрак есть. Хороший. Дяди нет.

— Дяди нет? Все знают моего дядю Сатурна и уже сто лет спорят, сколько у него на голове колец — три, пять или сто? Мансур говорит: тысяча, а может, и больше.

— Кольца? Какие?

— Такие! Что же ты у меня спрашиваешь? Вон какие у тебя глазищи — мог бы и сам увидеть. А ещё ночной охотник! Рядом пролетел и ничего не увидел. Или глаза у тебя только для разбоя, для того, чтобы, например, спящего утащить? Ты не видел, как мы пролетали мимо дяди Сатурна и дяди Денеба? Не слышал, как они кричали: «Дорогой племянник! Любимый племянник!»?

— Был Сатурн. Теперь Денеб. Ясно. Ты всё врешь.

— Ясно одно: ты глуп!

— Ух!..

— Вот тебе и ух! А если у меня два дяди? А если они — близнецы? Сатурн и Денеб! В нашем роду у всех такие торжественные имена. Хотя бы взять моё имя! Одни меня на-

В ПОСЛЕДНЕМ ЧИСЛЕ МЕСЯЦА СЕПТЕМБРА ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ. В ЭТОТ ДЕНЬ НАЧАЕТСЯ ШКОЛЬНЫЙ ГОД. В ЭТОТ ДЕНЬ НАЧАЕТСЯ ШКОЛЬНЫЙ ГОД. В ЭТОТ ДЕНЬ НАЧАЕТСЯ ШКОЛЬНЫЙ ГОД.

зывают Ближайшим Родственником Орлов, другие — Грозным Стражем Алого Сокровища, третьи — Победителем Бешеных Рек. Есть и такие, которые величают меня «Ну-и-ну!» и «Вот-это-да!». А дяди ласково кличут меня Доблестным Племянником. Все эти имена я заслужил своими добрыми делами. Но и первое своё имя, данное от рождения, я ношу с честью — Острый Зуб из рода Откуси-с-первого-раза!

— Ух!..

— Да, ух! Я...

— Ты суслик из рода Откуси-с-первого-раза?

— Из великого рода Откуси-с-первого-раза, который...

— Повтори свои имена.

— Ближайший Родственник Орлов, Победитель Бешеных Рек, Грозный Страж Алого Сокровища, а ещё...

— Так. Так-так. Это про вас сказано: «Пусть отныне весь славный род Откуси-с-первого-раза не боится никакой птицы: ни орлов, ни соколов, ни кречетов, ни даже ночных охотников — филина и неясоти?»

— Так сказал Старший Орёл!

— Далеко же ты забрёл, суслик из рода Откуси-с-первого-раза. Твоё счастье, орлиное слово дошло к нам раньше.

Светало. Звёзды бледнели-бледнели и гасли. «Чудеса! — думал Острый Зуб. — Моё имя перевесило все подвиги и тысячу колец дяди Сатурна».

Они летели над золотистым жнивьем, над розовыми верхушками леса, над окутанными туманом озёрами, над широким скошенным лугом с блестящими в ранних лучах солнца большими стогами. Один стог почему-то бегал по лугу из конца в конец. Филин и суслик полетели к нему. Острый Зуб плавно опустил Илюку на спину.

— Дяди нет! — ухнул на прощание Крючок-и-Клещи и, прижимаясь к земле, полетел в сторону леса.

— Где ты пропадал? — спросил Илюк. — С полуночи ищу, зову тебя.

Острый Зуб подождал, когда филин исчезнет в тени леса, и только потом сказал:

— Этот ночной разбойник всё же дождался моего дядю. И дядя прислал за мной. Очень, говорит, соскучился!

— Но почему ты не взял меня с собой? Я ведь так хотел познакомиться с твоим дядей!

— Ты тяжёлый, филин не смог бы поднять тебя. Но дядя прислал тебе привет. Ты же слышал, что сказал Крючок: «От дяди привет!»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

где Острый Зуб сомневается,
а Илюк обнадёживает

Н а белом песке стоит-шумит зелёный бор. Удивительный этот бор: день холодный — а в бору тепло, небо хмурое — а в бору светло. Словно за каждым оранжево-медным стволом сосны прячется солнце.

Сосны уходят в небеса. Внизу у них веток нет, только наверху густые и лохматые лапы. Вершины, пронизанные светом насквозь, кажутся изумрудным гнездом — дворцом волшебной птицы...

Тысячи зелёных дворцов качаются высоко в небе.

Но сейчас Илюку не до изумрудных дворцов. Он думает лишь об одном: что стряслось с Острым Зубом? Не поёт, не прыгает, даже слова не вымолвит. Зовёшь его — не слышит, смотрит невидящими глазами, тихо вздыхает.

Они вышли из светлого бора. Настало время отдыха. Илюк остановился возле широкого орешника, подождал, когда друг спустится на землю. Нет, не тот, совсем не тот Острый Зуб! Подменили Острога Зуба! Бывало, надо ему спуститься с Илюка — он засвистит на весь лес или на всё поле и стрелой летит вниз. А сейчас? Кряхтя и охая, еле еле сполз на землю.

— Друг мой, и в бешеных реках не тонущий, отчего ты становишься всё печальней и печальней? — спросил его Илюк.

Острый Зуб поднял взгляд. Первый раз в жизни видел Илюк такую грустную мордочку. Слонёнок захлопал ушами и закрыл ими глаза. Потом несколько раз повторил

про себя старое правило: «Когда тяжело, не теряй головы, соберись с силами, возьми себя в руки — и подумай» — и лишь тогда поднял уши и посмотрел на печального суслика.

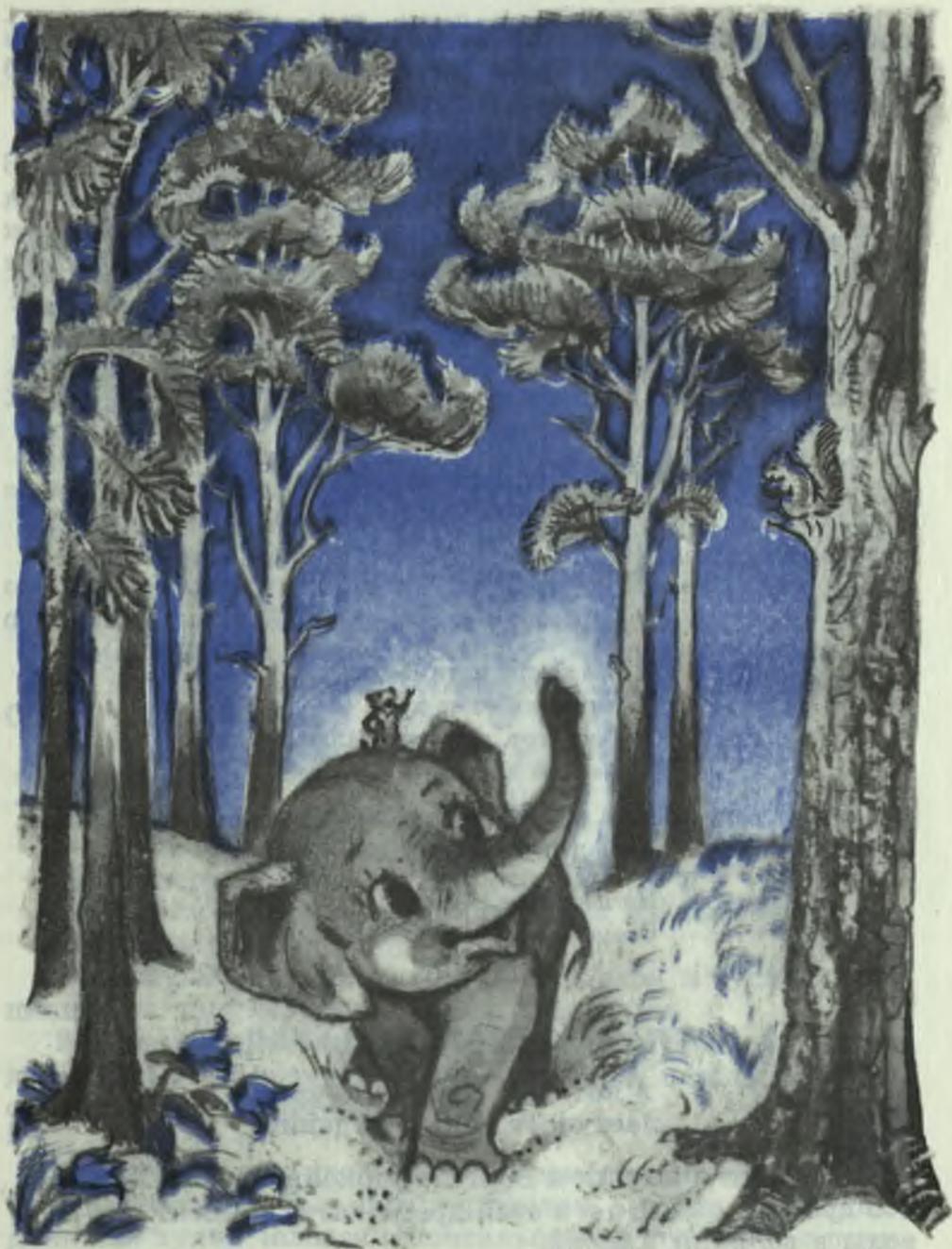
— До сих пор я не говорил тебе, — тихо заговорил Острый Зуб. — Но уже совсем недалеко. До Чебоксар осталось уже немного. Больше скрывать невозможно. Огромное несчастье, Илюк, огромное. Безвыходное положение. А что, если Хеведусь не признает меня? Она ждёт тебя. А я — нежданный гость. Долгожданым гостям говорят: «Ненаглядные, дорогие гости! Вот сюда проходите, в красный угол, садитесь за эти столы, ножки которых дрожат от тяжести яств! Беседуйте, радуйтесь, улыбайтесь, пойте!» А незваных гостей (например, меня!) берут за лапку, ведут к порогу и, широко распахнув дверь, говорят: «Видали — притащился! Вон отсюда! Чтоб духа твоего здесь не было!» А я тоже хочу подружиться с Хеведусь! Хочу сидеть за столом, ножки которого дрожат от яств...

Как же успокоить его? Илюк сорвал большую дружную семейку орехов, висевшую на одном черенке, и положил перед Острым Зубом.

Но тот молча отодвинул орехи от себя.

— Острый Зуб, я так думаю: если Хеведусь — человек умный, она уже поняла, что я один, без друга, не мог одолеть горячие пустыни, бешеные реки, тёмные страшные чащи. Я бы не дошёл до Чебоксар! Я бы на полпути заблудился, утонул, сгорел, умер! Если Хеведусь настоящий друг, она ждёт и моего друга. Ведь он, даже сидя в темноте, показывал дорогу, подбадривал песнями, помогал словами!

— Почему только словами? — вскинулся Острый Зуб. — И зубами и лапками! — Он придвинул ореховую семейку. — Конечно, умный человек должен понимать, что Илюку одному было бы ужасно тяжело одолеть все препятствия. Просто-напросто невозможно! Хеведусь обязана это знать! — Острый Зуб щёлкнул орехом. — Ай, что за орехи в Чувашии! Ведь как в других лесах: начнёшь разгрызать орех — зубы трещат, в ушах звенит, в глазах темно, а разгрыз — там вместо ядрышка чёрный кривой червяк! А у чувашских орехов будто и скорлупы нет, одно ядро — крепкое, сладкое, масляное! — Острый Зуб опять задумался. — Такая

BOYD'S ILLUSTRATED STORY BOOKS
BOYD'S ILLUSTRATED STORY BOOKS
BOYD'S ILLUSTRATED STORY BOOKS

сообразительная, и не знает? Она должна знать, что прибываю я!

Илюк сказал:

— Я так решил: если Хеведусь не догадалась о твоём прибытии, если она при встрече не узнает тебя, я тут же поворачиваю обратно! Тут же!

— Не горюй, Илюк, не горюй! Не вешай хобота! Хеведусь ждёт меня! Ждёт! Каждый день обо мне лишь и думает! Пойдём быстрее! — Острый Зуб засунул все оставшиеся орехи за щеку и в один миг очутился на спине Илюка.

Острый Зуб радовался от всего сердца! А радость вдохновляет. И он тут же сочинил песню:

У Хеведусь есть друг Илюк.
Но и я Илюку друг...
Нет, никак не разберусь,
Кто же я для Хеведусь?

Это я так думаю. А Хеведусь думает так:

У меня есть друг Илюк,
У него есть тоже друг,
Значит, тот, чей друг Илюк, —
Тоже мой хороший друг.

Конечно, только так она думает. Она же сообразительная. Значит, я — лучший друг Хеведусь! Ур-ра-а!

Не печалься, Хеведусь,
Скоро я к тебе явлюсь!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой сразу у троих
наступает день рождения

Вот они и вышли к Волге... Спокойна Волга, кажется, что дремлет она. Но и в этой дрёме катит и катит она свои воды в великий Каспий.

Волга напоминает Илюку другую реку — Ганг. И сло-

нёнку кажется, что шёл он, шёл и снова пришёл к родным берегам. Но перед ними — Чебоксары. Вон на том берегу!

Они дошли, а Илюк вдруг задумался.

— Вы что, заснули? — сказал нетерпеливо Острый Зуб.— Там Чебоксары, там Хеведусь, а они, слон и Волга, на ходу спят! Вставайте, просыпайтесь! Посмотрите на меня: вот я — свежий, бодрый, жизнерадостный! Ну, поплыли!

— Держись, Острый Зуб! — крикнул Илюк.

Раздался шумный всплеск. И опять наступила тишина.

Вверх по реке поднимался пароход. Из рубки донёся удивлённый возглас:

— Капитан, справа по курсу — слон!

— Какие слоны на Волге? У рулевого не в порядке со зрением! Сменить рулевого!

Прошло немного времени, и уже другой голос:

— Капитан, перед нами суслик! Он моется, чистится, смотрит на своё отражение в воде — и при этом мчится со скоростью катера!

— Суслики не умеют плавать! Сменить рулевого!

Но видно, одна и та же болезнь поразила всех рулевых. Опять послышалось:

— Капитан, прямо по курсу — слон и суслик!

— Сменить...

На пароходе стало тихо. Потом:

— Стоп, машина! Задний ход!

Илюк переплыл на другую сторону.

По белым ступеням поднялись они на высокий берег.

Наконец-то!

Спокойным, неторопливым шагом слон и суслик вступили в столицу Чувашии город Чебоксары.

Взошло солнце. Зажглись на улицах багряные и жёлтые деревья. Осень коснулась их и одарила каждый листик своим узором и светом.

Навстречу шли двое. Впереди семенил маленький толстяк в шляпе и с большим портфелем. Следом вышагивал длинный худой человек в почтальонской фуражке, с планшеткой в руке и толстой книгой под мышкой.

— Смотрите! — обрадовался толстяк. — Это же слон!

— Какой слон? — не согласился длинный. — Я вам дам полезный совет. Если вдруг вам померещится слон, крепко зажмурьте глаза и скажите: «Не видел, не слышал, не знаю, не верю!» Вот так! — Он крепко зажмурился и скучным голосом затвердил: — Не видел, не слышал, не знаю, не верю! — потом открыл глаза.

Слон был на месте.

— Ладно, слонов у нас нет, — закричал первый и хлопнул шляпой оземь, — но суслики-то есть! Смотрите, на слоне верхом сидит суслик!

— Нет слонов — нет и сусликов. Не видел, не слышал, не знаю, не верю!

Первые автобусы шли по утреннему городу. Шли не спеша, ещё толком не проснувшись. Но, поравнявшись с Илюком, они вздрагивали и резко тормозили. Скрип и

скрежет стоял по всей улице. Пассажиры вскакивали с мест и выпрыгивали на улицу.

— Слон! Слон!

— Суслик! Суслик!

— Разве к нам приехал зверинец?

— Разве к нам приехал цирк?

Человек в почтальонской фуражке вынул карандаш из-за уха и поднял его остриём вверх.

— Какие легкомысленные люди! Я, как почтальон, со всей ответственностью заявляю: во всей Чувашии нет ни одного слона.— Он раскрыл толстую книгу.— Вот здесь адреса всех учреждений в Чебоксарах. И здесь нет никакого слона! Вероятно, это просто фокус.

— Так это не слон, а только фокус! — удивлялись одни.

— Почтальоны знают всё! — говорили другие.

— Верим! — кричали одни.

— Не верим! — кричали другие.

И вдруг сквозь этот шум донёсся тонкий крик:

— Не надо! Не надо мне никаких игрушек! Где мой Илюк? И... И... Илюк! Где ты?

Острый Зуб свистнул. Илюк затрубил. Они бросились туда, откуда доносился крик. Толпа припустила за ними.

Почтальон пожал плечами, вынул из планшетки нераспечатанную телеграмму и, прочитав адрес, тоже направился следом.

Илюк взбежал на верхний конец улицы и встал перед белым трёхэтажным домом.

— Хеведусь! Будь человеком, перестань! — услышали они сердитый голос.

— Я давно человек! — отвечала та, которая не хотела никаких игрушек. — Разве ты не видишь, мама, я — человек!

— Тогда сама подумай, как может прийти сюда слон? Слоны живут в тридевятом царстве, в тридесятom государстве, в далёкой-далёкой Индии! Слоны не могут прийти в Чувашию!

— А Илюк может! Он такой сильный, такой храбрый! Он идёт-идёт-идёт! Ласточка так и сказала!

— Ах, эта Ласточка! Почтенная особа, у самой дети, а в голове одни сказки!.. Хеведусь, чем это у тебя карманы набиты? Опять сахаром? Опять для Илюка!

— Не только! Для Илюка и для его друга! Они оба сладёны!

— Что-о?! Теперь ещё какой-то друг! Нет, я с ума сойду с этим ребёнком!

— Мама, не надо, не сходи с ума! Ты сама подумай! Такое большое путешествие, а Илюк будет один? Конечно, он придёт не один! У него есть друг и помощник!

У Острого Зуба закружилась голова, в ушах зазвенела новая песня, разумеется, она была прекрасней всех его прежних песен, и, конечно, он опять не запомнил ни слов, ни мелодии! Он всплеснул лапками и юркнул под «лопух».

Илюк поднял хобот и затрубил. Голос его прогремел точь-в-точь как музыка, которую в цирке играет оркестр, когда все артисты парадом проходят по арене.

В окне на втором этаже показалась маленькая девочка. Видно, она только что плакала. Волосы её растрепались и были похожи на лепестки подсолнуха.

— Илюк... — прошептала она, поспешно вытирая слёзы.

Ах, если бы ей дали хоть минутку, она привела бы себя в порядок!

Илюк подошёл к окну, встал на задние ноги, Хеведусь обняла его за хобот, плавно пролетела по воздуху, осыпав при этом толпу сахаром из карманов, и опустилась прямо Илюку на спину.

— Илюк... пришёл... дошёл... Илюк, ты совсем такой, как я думала.— Она смутилась и прошептала: — И даже немножко лучше... Илюк, почему ты один, а где наш друг?

Левое ухо Илюка зашевелилось, и на белый свет выполз маленький суслик из рода Откуси-с-первого-раза.

Хотя в голове у него порхала целая стая слов (Хеведусь, Денеб, Синьял, Сатурн, Фокус!), впервые в жизни он не мог вымолвить ни слова.

— Ты весь дрожишь, ты замёрз! — сказала Хеведусь. Она была права, хотя и не знала, что порою холодно бывает и от счастья.— Сейчас согреешься! — Она прикрыла его своим фартуком и прижала к себе.— На тебе сахару! Вот... один кусочек остался. Какие у тебя острые зубы! Я буду тебя звать Острым Зубом. Верно, Илюк?

Илюк кивнул, а у Острого Зуба от восторга чуть не выпрыгнул сахар изо рта: какая всё же Хеведусь сообрази-

тельная! Правда, он об этом ещё вчера догадался и даже сочинил песню!

Он прыгнул Хеведусь на плечо и начал охорашиваться.

— Ох-хо, идёт Атнер и с ним мальчишки! — присвистнул вдруг Острый Зуб и поспешил на всякий случай доесть сахар.

Действительно, на гору поднималась ватага запыхавшихся мальчишек. Впереди, высоко подняв газету над головой, бежал Атнер. Они пробились через толпу и обступили Илюка.

— Вот! Газету забыли! — сказал Атнер. — Уф!.. Мы бы раньше вас догнали, да пароход нас подвёл. Капитан почему-то всё время рулевых менял.

Илюк за долгое путешествие узнал обычаи многих народов. Есть среди них и такой: усталому путнику дай прежде отдохнуть и уже потом говори с ним о деле. Эти усталые, запыхавшиеся мальчишки из далёкого Синьяла достойны отдыха — надо же, как бежали, чуть слона не догнали!

— Хеведусь, Острый Зуб, подвиньтесь-ка! — сказал Илюк и, подцепив хоботом, одного за другим посадил всех мальчишек себе на спину.

Раздвигая толпу, к ним подошёл недоверчивый почтальон.

— Хеведусь? — строго спросил он. — Телеграмма. Распишитесь.

Илюк передал квитанцию и карандаш маме Хеведусь. Она стояла возле окна и всё ещё не могла прийти в себя.

Получив квитанцию и карандаш обратно, почтальон выдал телеграмму и пошёл вниз по улице. На Илюка он не посмотрел ни разу. Впрочем, его можно было понять. Все знают, сколько хлопот доставляют почтальонам путешественники — особы без постоянного адреса.

Мама Хеведусь распечатала телеграмму. Телеграмма была такая:

ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ИЛЮК ДРУГОМ СКОРО
БУДУТ ЧЕБОКСАРАХ САМА ПРИЕХАТЬ НЕ МОГУ ОПЯТЬ
ПРОПАЛА КОРОВА АТНЕРУ НАКРУТИТЕ УХО ЦЕЛЮЮ БА-
БУШКА

— У Хеведусь сегодня день рождения! — закричал Атнер. — Ей исполнилось четыре года!

Илюк загнул хобот назад, схватил Хеведусь, и она, вскидывая руками, четыре раза взлетела в воздух.

— Пстой-ка! А какой сегодня день? — посадив Хеведусь на место, спросил Илюк.

— Как какой! Солнечный! — рассмеялась Хеведусь.

— Выходит, сегодня и мой день рождения! Я тоже в солнечный день родился! Мне тоже исполнилось четыре года! — Илюк вспомнил маму Савитри: конечно, она сейчас думает о своём сыне!

— Ур-ра-а! — закричала толпа.

И только Острый Зуб был мрачнее тучи.

— Как же так? — пробормотал он. — Как же так? Я тоже хочу день рождения вместе с вами...

— Как же так? — сказала Хеведусь. — Он тоже хочет.

— Что поделаешь... — вздохнул Илюк. — День рождения бывает только один раз в году. Четыре тебе исполнилось на пшеничном поле.

— Я не спорю... — прошептал Острый Зуб. Горе суслика было огромно.

Илюк приуныл. Нечестно это, что Острый Зуб родился не в один день с ним! Конечно, он тоже родился в солнечный день. Нет, он родился в солнечный-солнечный день! И тут Илюк догадался!

— Острый Зуб, ты же родился не просто в солнечный, а в солнечный-солнечный день! Поэтому у тебя и день рождения должен быть двойной. Первый день рождения — в золотистом пшеничном поле, где колосья были больше те...

— ...телёнка! — подсказал Острый Зуб. — А второй день рождения сегодня, вместе с вами!

Вздых облегчения пронёсся по улице, толпа четырежды прокричала «ура!». Багряные и жёлтые листья закружились в воздухе. А в голову Остроного Зуба пришли сразу три песни:

На день рождения Хеведусь

Ни к чему тоска и грусть
В день рожденья Хеведусь!
Потому что в день рожденья
Собрались её друзья,

И нашёлся друг-слонёнок,
А привёл слонёнка я —
Суслик из рода Откуси-с-первого-раза!

На день рождения Илюка

Неповоротливый слон —
Это Кришна,
Ловкий и быстрый —
Это Илюк!
Неженка, соня, ворчун
Это Кришна,
Сильный и храбрый —
Это Илюк!
Но если на свет не родился бы Кришна,
Тогда бы на свет не родился Илюк!

На день рождения Острого Зуба

Говорю тебе любя,
Острый Зуб:
— Поздравляю я тебя,
Острый Зуб...

То есть как это «тебя»? День рожденья-то мой! Значит,
надо так:

Поздравляю я меня
От тебя...

Или нет, надо так:

Поздравляю я тебя
От меня...

Острый Зуб растерялся, мордочка его вытянулась, буд-
то у него прямо из лапок вырывали самый любимый, са-
мый дорогой подарок.

— Ах ты маленький! — пожалела его мама Хеведусь.

Она, облокотившись на подоконник, слушала его песню. — Ты скажи: «поздравляю себя», и всё станет на место!

Только было Острый Зуб хотел запеть четвёртую песню, учтя замечание мамы Хеведусь, как раздалось щебетание, и с неба слетела стая ласточек. Младшие ласточки чинно, рядком уселись на проводах над окошком, а Старшая Ласточка подлетела к Илюку.

— Кришна! Ах, не так — Илюк! — сказала она. — Ах,

Илюк! Наконец-то! Ждём-ждём, а тебя нет и нет! Нам уже пора в путь! Мы были в последнем пробном полёте. Эти, — Ласточка крылом показала на своих птенцов, — каждый день спрашивают: «Когда-когда полетим в Индию?» Они об Индии думают, а я о тебе. Как я могла улететь, не повидавшись с тобой? Прилетим мы в Индию, сядем рядком, и сразу прибежит почтенная Савитри, начнёт расспрашивать про тебя. Какими бы глазами я посмотрела на неё, если бы мы не встретились? А теперь я скажу: «Радуйся, сестра Савитри, Кришна-Илюк дошёл до Чебоксар. Его теперь не узнать! Вырос, окреп, повзрослел, возмужал!» Завтра отправляемся в путь!

Ласточка повернулась к птенцам, которые сидели чинно, как первоклассники первого сентября. Глаза у них были круглые-круглые, будто им жал воротничок. На самом деле они смотрели так потому, что перед ними был великий путешественник, который прибыл из той самой далёкой Индии, куда они полетят завтра на рассвете.

— Так что же передать почтенной Савитри? — спросила Ласточка.

Илюк ответил не сразу. Он молча посмотрел на Ласточку. Глаза его были так ясны и чисты, что в них читались все Илюковы мысли. Сейчас мысль была такая: «Как я

благодарен!» Всего три слова. Но тех, кого благодарил четырёхлетний слонёнок в день своего рождения, было много-много: величественные джунгли Индии, слоны — папа и мама, озеро с лотосами, Ласточка, чувашская девочка, Обитель Снегов, солнце, Чабан, черноглазые ягнята, орлы, суслик, борющийся за честь своего рода, его непревзойдённый дядя, собака, успевающая обежать свою тень, много-много детей, девочки с двадцатьюшестнадцатью косичками, сказочники-трактористы, торопыги и увальни, острые на язык, и молчуны, открывающие новые океаны и катающиеся на кольцах Сатурна, и те, что запросто превращают коров в слонов, и ещё циркачи, рыбы, моря и реки, звёзды, поля пшеницы, опять — чувашская девочка, опять — Ласточка.

И потому Илюк ответил Ласточке:

— Скажи маме, что всё в порядке. А папа об этом и сам знает.

— Как прилетишь в Индию,— сказал, подбоченясь, Острый Зуб,— найди там одного слонёнка, того самого, который всюду суёт свой хобот. И скажи ему: пусть сразу же отправляется в Узбекистан, к Зульфие, девочке с двадцатьюшестнадцатью косичками. Пусть поспешит! А не то!.. Охо-хо!..

И Хеведусь нашла что передать:

— Скажи тёте Савитри, что мы скоро будем в Индии!

По всей улице до самой Волги прокатился стон. Все дети, услышав слова Хеведусь, охнули, как от зубной боли. Скажешь, им не хочется в Индию?

Мать Хеведусь, уже убедившаяся в упрямстве своей дочери, вздрогнула.

А старики заговорили о

том, что скоро похолодает и путешествовать станет совсем трудно.

А все дети подумали: «Какое это счастье — отправиться в путешествие!»

Счастье? Как же представляют себе счастье четырёхлетние слоны в день рождения? Если бы спросили, Илюк, наверное, ответил бы так: «Счастье — это вот что такое. Ты пришёл издалека и сейчас встретишься с другом. Он ждёт тебя, но ты его никогда не видел. А вдруг ты не понравишься ему? А если и он не такой, каким ты представлял его? Но Хеведусь даже лучше, чем я думал. Про меня же, вы слышали сами, она сказала: «Совсем такой!» (О том, что Хеведусь шепнула ему на ухо, Илюк не скажет никому.) После таких слов становишься сильнее, тебе ничего не страшно. И ты счастлив. Ты готов отправиться куда угодно. И хорошо, что мир велик...»

— Ах, я и забыла, пироги стынут! — вдруг захлопотала мама Хеведусь.

Мальчишки Синьяла встали на спину слона, заглянули в комнату и увидели гору пирогов.

«Охо-хо! — вздохнули мальчишки. — Нелегко нам будет бежать в Синьял после таких пирогов!»

Но расстраивались они недолго. Мама Хеведусь нашла им работу: выносить столы в яблоневый сад. Илюк взмахом хобота остановил мальчишек — кто же сам таскает столы, когда есть слон! Хорошо таскать ведра с водой, хорошо таскать брёвна, но таскать столы для большого застолья — приятней всего!

— Стойте! — сказала Хеведусь. — Смотрите, сколько нас: весь город Чебоксары и мальчишки Синьяла! В саду мы не уместимся, нужно вынести столы из всех домов и расставить по всей улице!

Тут-то и поняли все, что значит пир на весь мир!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ильгиз Каримов. От переводчика</i>	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в ней мы знакомимся со слонёнком, который меняет своё имя	5
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Илюк узнаёт слово печальное и слово величественное	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой тропинка вдруг срывается с места и уходит куда-то по своим делам	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой совершенно неожиданно в горах Памира пропадает хобот	21
ГЛАВА ПЯТАЯ, где встречается храбрец, готовый сразиться с соперником, который больше его в две тысячи раз	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ, она маленькая, но в ней принимают большое решение	33
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой выясняется, что в трудные минуты можно надеяться и на маленького суслика, и на маленькую звезду	36
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой грызут, поют и ногами подписывают письмо	45
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, которая доказывает, что в Стране Большого Канала приходится спешить, хотя и говорят: «Поспешишь — людей насмешишь!»	53
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой выясняется, что иногда не только слонёнок, но и человеческое дитя готово сменить своё имя!	63
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой одна девочка спорит с тысячью, и не только спорит, но и побеждает!	72
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой выясняется, что большой подарок (например, пшеничное поле) может вскружить голову	85
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, где много рассуждают и приходят к выводу, что рыбам лучше жить в воде	89
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, где оренбургские дети вот-вот полетят и вот-вот что-нибудь откроют!	97

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, которая начинается одной
 песней и заканчивается другой, хотя между ними
 случается страшное событие 104

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой слоны превраща-
 ются в коров, коровы превращаются в слонов, а
 Плаги-инге говорит две непонятные фразы . . 110

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой выясняется, что
 слава маленького суслика сверкает ярче, чем тыся-
 ча колец его дяди 119

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, где Острый Зуб сомнева-
 ется, а Илюк обнадёживает 123

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой сразу у троих
 наступает день рождения 126

Литературный отдел
 Ленинградского университета
 Ленинград, 1925 г.

Для младшего школьного возраста

Ева Николаевна Лисина

ЛОПОУХИЙ ИЛЮК

Повесть-сказка

ИБ № 6542

Ответственный редактор Г. И. Московская
Художественный редактор Н. И. Комарова

Технический редактор Е. П. Кудиярова

Корректоры Т. В. Беспалая, Т. А. Стадольникова

Сдано в набор 18.06.85. Подписано к печати 08.04.86. Формат 70×90¹/₁₆.
Вум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53.
Усл. шр.-отт. 22,82. Уч.-изд. л. 8,06. Тираж 100 000 экз. Заказ № 443. Цена 50 коп.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат дет-
ской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата
РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Лисина Е. Н.

Л63 Лопухий Илюк: Повесть-сказка/ Пер. с чувашск. И. Каримов; Художник Л. Владимирский.— М.: Дет. лит., 1986.— 143 с., ил.

В пер.: 50 к.

Повесть-сказка современной чувашской писательницы о слонёнке Илюке, идущем из Индии в Чувашию, где его с нетерпением ждёт маленькая девочка Хеведусь. В долгой дороге со слонёнком и его другом сусликом случается много разных приключений.

Л 4803010200—312 458—86
М101(03)86

С(Чуваш)

50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
*«Детская
литература»*